

Румит Кин

ПРЕВРАТИ МЕНЯ

Маленькая повесть о волшебстве.

Посвящается неизвестному мальчику.

<https://rumitkin.github.io>

Аннотация:

Лизе тринадцать лет. Её отец-бизнесмен разорился, а её любимый младший брат — Саня — страдает от страшной болезни. Их обедневшая семья переезжает в посёлок Фальта. Их хрупкий мир рушится. Но однажды Лиза и Саня узнают, что на соседней улице, в доме с аистами, живёт загадочный человек — его имя Вальтери Лайне, и он изменит их судьбу.

Данные печатного издания:

Румит Кин. Холодный свет (сборник страшных историй). — М.: Onebook, 2017. — 316 с.

16+ На основании федерального закона РФ №436-ФЗ.

ISBN 978-5-00077-648-3

Права:

© Тимур Денисов, 2012

© Николай Мурзин, 2012

© Румит Кин, 2012

Сайт Румита Кина: <https://rumitkin.github.io>

Страница Румита Кина на самиздате: http://samlib.ru/r/rumit_e_k/

Страница Румита Кина на author.today: <https://author.today/u/rumitkin>

*И хоть падает снег, словно белая пелена,
И бушует метель, ты пришел, мой любимый.
Не напрасно тебя я так сильно любила.
(из японской поэзии)*

Глава 1

СНЕЖИНКИ

Его имя Валттери Лайне, но когда я об этом узнала, он уже ушел. Ушел вместе с моим братом и Райли, которая на самом деле не собака. Я, кажется, понимаю, что случилось, но в это никто не поверит. Сейчас я сижу в старом кожаном кресле, в кабинете, на втором этаже его дома. Он ушел осторожно, все погасил и все выключил.

На улице минус пятнадцать, и я чувствую, как медленно остывает дом. Слышу, как стены скрипят, впитывая холод. Вижу, как синеватый свет наступающего дня не спеша двигает по ковру тени подвешенных над камином оленьих рогов.

Сейчас позднее утро. Но исчезновение Сани заметят только тогда, когда папа с мамой вернутся из Москвы. У меня есть несколько часов, чтобы написать эту историю. Я хочу сделать это здесь, в кабинете Валттери, пока сюда не явились чужие люди.

В этом доме пахнет еловыми ветвями, свечой, шерстью и пыльными книгами. Еще DVD-дисками. Если вы не замечали, у них свой запах – запах вредного пластика. Станные запахи в этом доме. Валттери поселился здесь десять лет назад. Я думаю, с тех пор здесь ни разу не готовили еду, не курили сигареты и не делали еще тысячу тех привычных мелочей, которыми пахнет человек.

Я – Лиза, мой брат – Саня. Мне скоро будет четырнадцать, а ему недавно исполнилось двенадцать, и это был самый странный и грустный день рождения, какой только может быть.

Я не знаю, с чего началась эта история. Год назад все было другим. Год назад я не могла представить, что когда-нибудь буду сидеть в кресле

Валттери Лайне и наблюдать, как ледяной ветер рисует узоры на узких окнах его кабинета.

Год назад, одно за другим, начали происходить маленькие события, которые привели меня сюда. Как ложится снег? Одна снежинка. Потом другая. За ней третья. Первая растает, а вторая – уже нет. Как наступает зима? Листья облетают один за другим. Солнце теряет яркость, а дни становятся короче. У зимы тысяча примет. Год назад наша семья еще не знала, что в ее жизни может наступить зима, но зима уже была рядом. Я не знаю, с чего началась эта история. У ее начала тоже была тысяча примет. Год назад мой брат начал умирать, а мой отец – беднеть. Но еще никто этого не замечал, даже они сами.

Может быть, все началось с того, что Саня купил брелок-ворона? Я помню, как это произошло. Перед новым годом на озере рядом с нашим домом устроили соревнования по картингу. Была последняя суббота декабря. На улице раздался вой моторов. Потом еще и еще. Мы обедали. Через несколько минут брат поднял голову и прислушался.

– Что это? – спросил он.

– Не знаю, – ответил папа, – но мне тоже интересно.

Отец любит гонки. Он каждые выходные смотрит «Формулу-1». И я надеюсь, что это никогда не изменится. Папа вышел на балкон, потом вернулся с горящими глазами.

– Это машинки для картинга, – сказал он. – Доедайте! И идем!

И мы пошли. Лед на озере был толстым – не прошибить. Машины носились кругами, за ними поднимался густой дым, пропахший резиной и маслом. Иногда они стучались о полосатые шины, уложенные вдоль поворотов.

А среди воя двигателей и поднятых колесами вихрей снежной пыли бродил цыганский мальчишка со связками всякой притягательной всячины. Брат зацепился за него взглядом, увидел ворона и уже не отходил от торговца, пока не убедил папу купить брелок.

Ворон был крошечный, металлический, с блестящими глазами-бусинками. Он раскрывал свои черные крылья и парил, подвешенный к нитке. Было в нем что-то действительно завораживающее. Саня начал носить его с собой, прицепляя то к ключам, то к рюкзаку.

А может, все началось в тот день, когда Саню отпустили с уроков в школе? Это было где-то в феврале. В дверь моего класса постучали. Учительница выглянула и через минуту попросила меня выйти. Я встала.

– Нет, – мягко сказала она. – Собери вещи.

В коридоре стоял брат – бледный, со странным взглядом. Мне показалось, что он смотрит сквозь меня.

– Что случилось? – спросила я.

– Его отпустили, – сообщила учительница. – У него кружится голова. Отведи его домой.

– Ладно.

Она ушла.

– Как ты? – поинтересовалась я у Сани.

– Я не мог писать. – Он протянул вперед руку. Она дрожала как осенний лист на ветру.

Мы пошли домой. Сначала брат двигался неуверенно, как будто улицы Москвы под его ногами были сделаны не из асфальта, а из тонкой корочки льда над пустотой. Потом это прошло. На детской площадке напротив нашего дома он остановился, достал тетрадь из рюкзака и три раза написал свое имя. Его лицо больше не было бледным, щеки покраснелись от холода.

– Все в порядке, – сказал он. – Но мы ведь не вернемся в школу?

– Нет, – улыбнулась я. – Только не выкидывай это слишком часто, а то тебе никто не будет верить.

– Я не притворялся, – серьезно сказал он.

Я протянула к нему дрожащую руку, – «Я не мог писать», – и мы расхохотались. Первая снежинка растаяла. Зима началась, но никто этого не заметил.

Через месяц приступ случился снова. Мы играли в гонки на приставке. Он первый раз в жизни трижды подряд проиграл мне, расстроился и бросил пульт. И когда он потом переливал себе сок из пакета в чашку, его руки опять тряслись. Он справился, не пролил. Я ничего не сказала, и он ничего не сказал.

А зима была все ближе. Это была наша зима. Она не имела никакого отношения к тому, что происходило с природой. В вербное воскресенье было плюс пять, и светило солнце, а отец пришел домой с разбитым лицом.

– Что случилось? – испуганно спросила мама.

– Я уволил рабочего, – ответил отец, – так этот ненормальный вернулся и попробовал отомстить.

– Ты что-то с ним сделаешь?

– Его уже забрала милиция.

– А за что уволил?

– Не могу оплачивать столько рук.

И больше ни слова. Третья снежинка легла рядом со второй. Они уже не могли растаять. Мы все ходили по тонкой корочке льда над пустотой. Но мы об этом не знали. Только Саня во время своих приступов мог ее чувствовать, и от этого его шаги становились совсем неуверенными.

У отца был бизнес – маленькая фирма по установке кондиционеров – и за два месяца, которые отделяют вербное воскресенье от середины лет, этот бизнес развалился. Я помню, как ночью пошла попить и увидела, что отец сидит за столом на кухне. Белый круг света от настольной лампы, желтые листы счетов, два мобильных телефона и потрепанный калькулятор – папа работал с бумагами по старинке. Его большие руки с серыми костяшками пальцев подходили для того, чтобы держать перфоратор, но не справлялись с умными приборами.

Я увидела нервные, измученные глаза отца. Они меня напугали. Всегда пугают глаза человека, который заметил, что к нему пришла его зима. Отец вертел в руках свою металлическую ручку, похожую на пулю для еще не изобретенного оружия. Я подумала, что что-то случилось, раз ему ночью понадобились два телефона.

– Не спится, Пушистик? – спросил он.

Мне стало еще страшнее. Он не называл меня так уже несколько лет, наверное, с того детского бала, когда я первый раз нарядилась.

– Пить хочу, – ответила я. – А тебе?

– Я разорился, – сказал он.

Я замерла, пытаюсь понять, что это значит.

– Мама еще не знает.

Пакет молока стоял в холодильнике, но я не могла его достать. Не могла оторвать свой взгляд от глаз отца.

– Все, что я делал, – добавил он.

– Это очень плохо? – спросила я.

– Я еще не знаю, насколько, – ответил он. – Ты не против, если мы будем жить за городом?

– В Луговом?

У нас там была дача.

– Нет, Пушистик, – устало возразил отец. – Где-то, где земля дешевле. Дачу придется продать. – Он вздохнул. – Извини, что все так получилось...

– Папа, ты хороший, – сказала я. – Даже если мы будем жить в пещере...

Он усмехнулся. На улице было плюс двадцать. Лето началось. Но на земле нашей жизни уже лежал снег. Ветер сбивал с деревьев последние

листья. Мы шли в наш маленький ад, но не знали об этом. В какой-то момент нам с братом даже стало весело. По-настоящему хорошо и весело, как бывает двум детям, которые получают в свое распоряжение незнакомый дом и новый участок земли.

Мы переехали в поселок Фальта. Двадцать минут пешком до станции. Два часа до Москвы на электричке. Наш участок был дикий, без огорода и клумбы. Через дорогу от него начиналась пологая балка, заросшая сосновым лесом. Несколько сосен росло и у нас. К одной из них предыдущие владельцы привязали старый, лишенный сиденья стул. Он был закреплен на высоте два метра и отлично смотрелся с улицы.

– Баскетбольный стул, – сказал Саня, когда его увидел.

Мы начали смеяться еще прежде, чем вылезли из машины. И от этого на несколько дней все стало очень хорошо. В первое время родители постоянно бывали в Москве. Отец продавал свою фирму, точнее, все, что от нее осталось, и уговаривал рабочих не подавать иск. Отменял последние заказы. Мама пыталась сдать нашу квартиру в центре города.

Мы с братом остались вдвоем. Жили как взрослые. Раз в два дня ходили к станции за продуктами, сами готовили, сами стирали. Лето выдалось жаркое. Саня шутил, что дети торговца холодом оказались в пекле. Мы спали на матрацах в самой прохладной комнате. Первый этаж был похож на лабиринт коробок. Нераспакованная мебель в картонках, излучающих сухой жар.

А потом снежинки стали ложиться плотнее. И наше хорошее время вдруг стало плохим.

На углу участка росли две сосны. Не такие высокие, как в соседнем лесу, но мощные и здоровые, с множеством боковых ветвей уже на середине ствола. Эти два дерева стояли отдельно от других. Им не приходилось бороться за свет, зато их трепал ветер, и от этого они стали особенными. Стоило обойти дом, и они бросались в глаза.

Саня залез на них во второй или третий день нашей самостоятельной жизни. Ему это далось легко – на каждой из сосен было три десятка хороших сучков. Я смотрела на него снизу. Тонкий, легкий, ловкий. Он лез по дереву, как маленький зверек. Наверху брат выполнил фигуру высшего пилотажа – перепрыгнул на соседнюю сосну – и слез по другому стволу. Когда он достиг земли, руки у него были в смоле, а глаза горели.

– Через дом по соседней улице аисты на крыше!

– Да ладно? – подивилась я.

– Оттуда видно всю Фальту.

Я посмотрела вверх. Выше второго этажа. С первых развесистых веток можно перелезть на крышу дома. И я не сомневалась, что Саня однажды это сделает. Но деревья поднимались и дальше. Шестнадцать метров под ногами.

– Подстрахуешь меня? – спросила я.

Брат кивнул, и я полезла на дерево. Он карабкался по соседнему стволу, следил, как я ставлю руки.

– Не этот сучок, бери левый, – прокомментировал он, потом добавил, – а у нас на крыше лежит порванный воздушный змей.

Дерево было теплое и сухое. Живое. Запах смолы. Кора, шелушащаяся под рукой золотыми чешуйками. Я остановилась на высоте крыши нашего дома и замерла. Обняла ствол, увидела в полутора метрах от себя улыбающееся лицо брата.

– Дальше боишься? – спросил Саня.

– Да.

– Лиза-девочка, – противным голосом сказал он.

Я показала ему язык. Теплый летний ветер трепал наши русые волосы. У брата они чуть светлее, чем у меня, и намного короче. Мама стрижет его под три сантиметра. Потом вырастает «львиная грива», и ее состригают снова. Стригла. Не стрижет. Больше не будет стричь. Потому что Саня ушел с Валттери Лайне. С человеком, на крыше дома которого свили гнездо аисты.

Черные аисты никогда не селятся рядом с людьми. Но тогда мы этого еще не знали и просто наблюдали спокойные движения двух больших птиц с воронными крыльями и красными клювами. Один из аистов дремал, другой стоял на краю гнезда и чистил перья. Между родителями – пушистые шарики с вытянутыми головами: птенцы. Но с такого расстояния их было не рассмотреть. И Валттери мы еще не видели. Собственно, мы не знали, что смотрим на крышу его дома. От нас до его участка было метров сто. Его дом стоит в ряду домов, примыкающих к нашему, но выходит на другую улицу. Близко, но не соседи.

Аист расправил крылья. Взмахнул ими.

– Да он двухметровый! – воскликнул Саня.

Птица взмыла вверх и полетела в сторону заводи, туда, куда вел ручеек, текущий по дну балки. Солнце заблестело в черных перьях. По улице скользнула тень. И я что-то почувствовала. Может быть, страх.

Саня развернулся и безрассудно повис на одной руке, чтобы взглянуть вслед улетающей птице. Это длилось несколько секунд, потом брат снова посмотрел на меня.

– Давай построим здесь домик, – предложил он.

– Где? – не поняла я.

– На этих соснах.

– Это для маленьких, – возразила я.

Брат пожал плечами.

– Верно. Если не построим его этим летом, не построим уже никогда.

– А у нас получится?

– Да.

– Ладно, – согласилась я, – но только после того, как разберем коробки с компьютером, телек и кровать.

Брат задумался, кивнул.

– И не вбивай гвозди в деревья, а то они погибнут, – добавила я.

– Идет, – решил он. – Все будет на веревках.

Но прежде чем мы слезли вниз, случилось еще кое-что. На соседнем участке хлопнула дверь. Мы посмотрели вниз и увидели, что на крыльцо вышел парень лет четырнадцати. Он был без майки, в шортах и темных очках, в шлепанцах на босу ногу. Загорелая кожа и развитые плечи. У него был дерзкий рот с резкими уголками и маленькая родинка над верхней губой. Он посмотрел на нас снизу вверх, ухмыльнулся...

...и мне вдруг стало стыдно, что я сижу на дереве.

– Решили осмотреть окрестности? – крикнул он.

– Вроде того, – ответил Саня.

Парень не удостоил его вниманием. Он смотрел на мою задницу.

– Дима, – представился он. – Я здесь только на лето.

– А мы на все времена года, – сообщил брат.

– Лиза и Саня, – представилась я.

И поняла, что краснею. Дима сделал несколько шагов в нашу сторону. У него была пачка сигарет. Он достал одну, вложил в уголок рта.

– Рад познакомиться, Лиза и Саня, – он закурил. Потом первый раз посмотрел на Саню. – Предкам не говорите, что я курю.

– Ладно, – холодно сказал Саня.

Мы полезли вниз. Сначала я, потом брат. Знакомство свершилось. Первая встреча. Я слышала, как сердце стучит у меня в голове. Теперь я знаю, что Дима был просто снежинкой. Еще одной снежинкой нашей Большой Зимы. И мне неприятно думать, что я могу увидеть его следую-

щим летом. Но тогда его улыбка выбила из меня половину интереса к черным аистам и половину способности соображать.

Мы собрали кровать – она у нас с братом одна на двоих, двухъярусная – распаковали компьютер и видик, но включить ничего не смогли. Техника заработала только в начале сентября, когда у мамы, наконец, появилось время, чтобы вызвать мастера. А Сане к тому времени уже было тяжело смотреть на экран.

Тонкий лед под ногами брата начал ломаться шестого августа. В тот день, когда мы начали строить домик на дереве. В тот день, когда я совершила маленькое предательство, за которое мне до сих пор стыдно. Я пренебрегла Саней – наверное, единственный раз в жизни.

Мы с братом обыскали участок и много всего нашли. В том числе два бревна, каждое толщиной с мое бедро, которые Саня решил сделать основой домика.

– Мы их не поднимем, – сказала я.

– Вдвоем поднимем, – возразил Саня.

– Я не полезу с бревном на дерево, – предупредила я.

Брат фыркнул.

– Мы будем стоять на земле, – обещал он.

Мы поднимали бревно на двух веревках, перекинутых через крупные ветви обоих деревьев. Когда оно пошло вверх, я охнула – не от усилия, а от того, как легко это произошло. Он поднималось, глухо и гулко постукивая о стволы деревьев. Саня на половину длины промаслил веревки: они скользили по веткам, но не скользили у нас в руках. Все прошло гладко. Только раз брату пришлось лезть наверх, чтобы освободить бревно от сучка, в который оно уперлось.

На все ушло полтора часа. Мы привязали веревки к нижним сучкам и стояли, устало глядя вверх. Еще час назад Саня маслил веревку, а теперь бревно уже весело на высоте третьего этажа.

– Аисты часто прилетают на одно и то же место, – сказал брат. – Представляешь? Следующей весной мы сможем смотреть, как они устраиваются.

Я хотела ответить, что да, это здорово, но не успела. Забор между нашим и соседским участками слегка дрогнул, и над ним показался торс Димы. Он легко выжал себя на руках.

– Что делаете? – вместо приветствия.

– Домик на дереве, – ответил брат.

Дима смотрел на меня. Я чувствовала, как кровь приливает к лицу. Он был без очков. Серые глаза.

– А мы идем на озеро. Хочешь с нами, Лиз?

Это звучало так, как будто идти на озеро в сто раз круче, чем строить домик на дереве.

– Она занята, – сказал Саня.

– Я думаю, ты можешь поиграть и один.

Я молчала, колебалась. Он смотрел на меня.

– А если я скажу, что приглашаю тебя на свидание? – поинтересовался Дима.

Со мной что-то произошло. Это было так взросло – идти на свидание с мальчиком, которому четырнадцать лет. У которого родинка над верхней губой, сигареты и темные очки. И каждое движение его было таким, как будто под его ногами никогда не было корочки из тонкого льда над пустотой.

– Ладно, – Дима пожал плечами. – Мы в любом случае идем туда прямо сейчас. Решай.

Он спрыгнул обратно на свой участок. Я еще секунду смотрела на забор, а потом повернулась к брату.

– Пижон, – сказал Саня.

– Он классный, – возмутилась я.

Брата перекосило, как будто я заставила его проглотить жука. Между первым знакомством и этим днем случилось кое-что еще. Дима нам помог. Он заправлял небольшой группкой своих сверстников. У него был брат, чуть младше меня, но на полтора года старше Сани, и еще два соседских мальчика, родители которых снимали дом ближе к станции. Они вместе катались на великах, ходили к реке и делали что-то еще. Игнали в футбол? Я так и не узнала об этом.

За день до подъема бревна мы с Саней решили купить арбузы. Было жарко, хотелось пить и есть что-то сладкое, но ходить к станции много раз было лень. И мы сделали глупость – взяли сразу два. Через двести метров мы осознали, какие они тяжелые. У футбольного поля, которое обозначает примерно четверть пути от станции к нашему дому, нам пришлось остановиться. Мы положили арбузы в траву, подальше от дороги. Саня обессиленно плюхнулся рядом с ними.

– Мы их не донесем, – сказал он.

Арбузы были большие. Мы тащили их, скорчившись, прижимая к животу. Наши хрупкие плечи не выдерживали. По дороге мимо шел Дима со своими ребятами. Посмотрел на меня, на арбузы, предложил

свою помощь. Он и его товарищи могли нести их не так, как мы, а просто вскинув на плечо. Не знаю, как у них это получалось.

– У нас появятся друзья на новом месте, – начала защищаться я.

Саня покачал головой.

– Он не собирается дружить со мной. Просто ему нравишься ты.

– Это же не плохо.

Саня сморщил нос.

– Он и с тобой дружить не собирается. Он знает тебя третий день, но называет «Лиз», и он...

Смотрит на твою задницу. Может быть, Саня хотел сказать это, а может, и кое-что похуже. Я знала, что брат прав, но ничего не могла с собой поделать. Димина улыбка не выходила у меня из головы, как и сильные руки, которыми он с легкостью нес наши арбузы, по одному на каждом плече. Потом он сдался и отдал один другому подростку. Но сначала, первые триста метров, он выглядел так, будто носил их всегда.

– Ты не хочешь отпускать меня на озеро? – спросила я Саню.

– А ты что, хочешь пойти? – опешил брат.

– Ну да.

– Нет, мне плевать, – неожиданно резко ответил он.

– Ладно, – согласилась я. И ушла. Был даже момент, несколько минут, когда я думала, что это брат меня обидел, а не я его. Так я совершила свое маленькое предательство.

– Саня! – крикнула я, когда вернулась.

Ты заблудилась и замерзаешь в лесу. Потому что ты маленькая девочка, которая не замечала, как землю твоей жизни засыпает снег. Не замечала эту странную арифметику снежинок, которых мало, даже когда их сто, но потом их становится немного больше, и они уже могут убить. Тишина.

– Саня, – опять позвала я.

Мы гуляли всего два часа. На мне были сырые трусы и лифчик, потому что я не стала искать купальник и купалась в нижнем белье. Неприятное чувство. И страх.

– Ты обиделся на меня? – прокричала я.

Мне вдруг стало плевать, что Дима может на соседнем участке слышать, как я зову брата.

– Саня!

Ветер в соснах за дорогой. Теплый летний ветер. Мы видели несколько белок, пока шли от озера. Все было глупо и мило. Дима клал мне руку на плечо. И все. Ради этого я обидела брата?

– Саня, я хочу извиниться, – очередной бесполезный крик в пустых комнатах.

Я зашла в дом и, когда снимала мокрое белье, что-то услышала. Человек может слышать шепот через стену дома? Да. Если очень испугается. Самой холодной комнатой была та, которая торцом выходила в тот самый угол участка, где росли две сосны. Мы там спали. Туда я пошла, чтобы переодеться. И сквозь стену я услышала шепот брата. Не слова, но какой-то звук, какой-то признак, что он там и что ему очень плохо.

Я побежала в шортах и майке на голое тело, выскочила на улицу, обогнула веранду и увидела его. Он лежал на спине под деревьями. Бледный. Голова в такие моменты работает очень быстро. Я подбежала к брату, подумала, что он упал с дерева, и стала проверять свою версию. Посмотрела вверх. Увидела, что он успел закрепить бревно, причем как-то сложно, как я об этом никогда не думала, и поверила в свое предположение. Он лазил наверх. Один. Он мог сорваться.

Я упала на колени рядом с Саней и поняла, что он меня не видит. Он смотрел в небо. Его голова была откинута назад, затылок упирался в подушку из прошлогодней хвои, а все тело слегка изгибалось вверх. Он жаловался, причитал. Еле слышно. Его губы чуть двигались.

– Холодно, – шептал он, – больно и темно.

– Саня, Саша, Александр, – я называла его разными именами.

– Мне очень больно... Почему мне так больно? Отчего мне так больно?

– Саня. – Я не могла понять слышит он меня или нет. Его глаза, открытые, двигались, но смотрели на что-то мимо меня. Я стала искать, хотела увидеть, что он сломал, разбил, где поцарапался. Боялась, что переверну его и увижу лужу крови, обломок сучка, торчащий из затылка, или что-то еще непоправимое. Но перевернуть не смогла. Его тело было совершенно твердым и удивительно тяжелым. Мышцы спины и живота, рук и ног – все окаменело. Я положила руку ему на лоб. Он оказался мокрым. Мелкий ледяной пот.

– Саня, Саша, братик...

Он всхлипнул, немного сильнее изогнулся вверх и опал. Я нашарила у него в кармане телефон, достала, начала набирать номер. Руки тряслись. Минуту не могла попасть по нужным кнопкам. Набрала.

Мобильная связь в Фальте неровная, но чаще работает, чем нет. Я услышала гудок в трубке, поняла, что звоню матери. И вдруг испугалась

гадкого подозрения. На Сане ни одной ссадины. Что, если все это месть за то, что я ушла с Димой к озеру, спектакль?

Я сбросила вызов и уставилась на брата. Он больше не причитал, только шевелил губами. Его зрачки расширились. Огромные. Черные. Руки лежали вдоль тела. Глаза смотрели в небо. Лицо бледное и странное.

За мыслью, что он притворяется, пришло предположение, что он умирает. Он сломал позвоночник и умирает. Это последние судороги. Он упал из-за того, что меня не было рядом. Он умрет с воспоминанием о том, как я его бросила.

– Саня, – сказала я, – если это спектакль, скажи сейчас, иначе я сильно напугаю маму.

Он не ответил. Просто посмотрел на меня. В первый раз. Его лицо исказила гримаса удивления и боли, он как будто скалился – я подумала, что он как зверек. Я видела его маленькие аккуратные зубки. С них всего год назад сняли скобки.

– Ли... – он попытался произнести мое имя. Его рот и горло начали сокращаться. Из глаз потекли слезы. Он захлебнулся. Я снова начала набирать номер. Почувствовала, что вспотела, но руки дрожать перестали. Гудок.

– Мне было больно, – прошептал брат. – Мне никогда еще не было так больно.

– Все будет в порядке, – обещала я. Ложь. Меня начало подташнивать. Вкус слюны во рту и чувство, что сейчас Лиза-девочка упадет в обморок, как последняя тупая трусиха.

Мама сняла трубку.

– Саня упал с дерева, – сообщила я, – ему очень больно, у него судороги и...

– Я приеду через два часа, – ответила мама.

– Я не падал, – прошептал брат.

– Судороги? – уточнила мама. – Как он упал?

Я поняла, что она, наконец, тоже испугалась. Брат начал дышать, глубоко, медленно.

– Он говорит, что не падал, – автоматически повторила я.

– Я могу с ним поговорить? – спросила мама.

– Да, – я приложила трубку к мокрой щеке брата.

– У меня начали дрожать руки. – Саня говорил тихо. – Я успел спуститься с дерева, а потом меня как будто выкрутило.

Не знаю, что спросила мама.

– Нет. Боль во всем теле. Я лег на землю. – Пауза. Он вздохнул или всхлипнул. – Меня до сих пор трясет. И я вижу меньше, чем обычно. Лиза.

Я поняла и поднесла трубку к своему уху.

– Судороги? – снова спросила мама.

– Он был твердый и тяжелый, – сказала я, – жаловался на боль, не видел меня...

– Он точно не падал?

– Я не видела. Я пришла, когда он лежал внизу.

Мне вдруг стало легко. Я поняла, что Саня не умрет в ближайшие пять минут.

– Что вы делали? – спросила мама. – Там было что-нибудь ядовитое?

Я посмотрела на брата.

– Тебя мог укусить клещ?

– Нет, – шепотом ответил он. – Не знаю. Я ничего такого не заметил. Это было похоже... ладно, не важно.

Он закрыл глаза и расслабился.

– Он не знает точно, – сказала я маме.

– В какой же жопе этот проклятый дом, – пробормотала она.

Я открыла рот, но не знала, что ответить. Мама не ругается. Обычно не ругается.

– Я вызову вам скорую, – продолжала она, – потом позвоню отцу. Мы приедем в течение двух часов. Может быть, раньше скорой, но, наверное, позже. Если его будут увозить, поезжай с ним и все время мне звони.

– Да, – обещала я.

Мама сбросила вызов. Я еле успела встать и отойти от брата. Меня стошнило в угол, где скрещивались заборы четырех соседних участков. Когда я обернулась, Саня уже сидел на коленях. Его лицо выглядело изможденным.

– А с тобой что? – спросил он.

– Ты напугал меня, маленький засранец, – ответила я.

– Лиза-девочка.

И мы засмеялись.

– Это уже происходило, – сказал Саня. – Раз пять или шесть.

– Почему не обращались к врачу? – спросил доктор.

Он сидел на нижнем ярусе нашей с Саней двуспальной кровати, а брат, все еще бледный, успокоившийся до заторможенности, лежал рядом с ним. Медик закончил мерить ему давление и теперь убирал аппарат в футляр. На полу стоял раскрытый, ощерившийся готовыми шприцами красный чемоданчик. Пока шел разговор, я, мама и папа стояли вокруг или ходили по маршруту от окна к двери и обратно. Как звери в клетке.

– Мне не было так плохо, – объяснил Саня. – Просто начинали дрожать руки, и кружилась голова. Через час все проходило.

– Пять или шесть раз за сегодняшний день или за неделю?

– Нет. Всего пять или шесть раз.

В комнате зеленоватый полумрак. За окном соседский забор и тени наших сосен.

– Когда это началось? – поинтересовался отец.

– Полгода, – неуверенно предположил Саня.

– В феврале я отвела тебя домой из школы, – вспомнила я.

– Точно, – подтвердила мама. Она нервно взмахивала рукой, когда говорила.

– Почему ты думаешь, что эти состояния похожи на последний приступ? – спросил медик.

Парень был молодой, приятный. Маленький рот и зеленые глаза.

– Ну, – брат вздохнул. – Это...

...как идти по тонкому льду над бездной...

...как видеть, что тебя затягивает в трясину мокрого снега...

– Я теряю уверенность, – продолжал Саня. – Мне начинает казаться, что я вот-вот упаду. И сегодня это, наконец, случилось...

Врач кивнул.

– Тебе удобно так лежать? – спросил он.

– Да.

– Иголок боишься?

– Нет, док, – тихо отрапортовал Саня.

Врач ему улыбнулся. Достал шприц из своего чемоданчика.

– Это что? – спросила мать.

– Валиум.

– Обычное снотворное? – удивилась мама.

Саня привстал.

– Лежи, – ответил врач. – Ты сегодня уже по деревьям полазал. Вре-
мя...

Игла вошла в руку. Брат дернулся.

– ...отдыхать, – закончил доктор. – Валиум – не только снотворное.

– Холодно в вене, – сообщил Саня.

Медик кивнул ему.

– Вот и лежи, – посоветовал он. – Залезь под одеяло.

Его внимание переключилось на родителей.

– Валиум – это антисудорожный препарат. Пойдемте, поговорим.

Мать вышла из комнаты первой. Потом доктор со своим чемоданчиком. За ним отец. Я пошла следом, но папа обернулся и сказал: «Посиди с братом». Я вернулась к кровати. Отец вышел из комнаты. Еле слышные голоса взрослых донеслись с веранды. Я улыбнулась брату. В его глазах вдруг появился игривый блеск. Он пробился сквозь тревогу и усталость, как живой росток сквозь асфальт.

– Подслушай, – шепотом попросил Саня.

Моя улыбка увяла, когда я вспомнила, как четыре часа назад ушла к озеру. Я оглянулась. Коробки, коробки. К взрослым будет легко подкрасться.

– Пол скрипит, – тоже шепотом.

– Вдоль правой стены.

Подслушивать нехорошо, но сейчас Саня мог просить у меня все что угодно. Я бесшумно подобралась к двери. Сквозь проходную комнату было видно вторую дверь. Тени взрослых двигались между штабелями не разобранных ящиков.

– Аура? – переспросил отец. – Звучит как в парапсихологии.

Мать что-то добавила к его вопросу. Мне пришла мысль, что речь идет о плохой ауре этого места, или еще о чем-то мистическом. Потом я поняла, что доктор скорой помощи не может говорить такие вещи. Я тихо скользнула дальше. Половица все-таки заскрипела, но никто не отреагировал. Врач начал отвечать на вопросы. Внимание родителей было приковано к нему.

– Аура, – сказал он, – это признаки, по которым больной эпилепсией предсказывает собственный припадок. Они у всех разные. У Александра дрожат руки. А кто-то может посреди снежного поля чують запах тюльпанов.

– У него эпилепсия? – уточнила мама.

– Это похоже на эпилепсию.

– Он не дергался, и не было пены изо рта. Вы думаете, дети чего-то не сказали?

– Я не знаком с вашими детьми и судить не могу, но припадки бывают очень разные. Биться об пол и откусывать себе язык необязательно.

– А... – начал отец.

– Подождите, я не закончил, – продолжал медик. – Хотя я уверен, что у него эпилепсия, я не знаю ее причины. Ему нужно обследование в стационарной клинике. Я могу его госпитализировать прямо сейчас. Либо вы можете отвести его к специалисту сами.

Саню положат в больницу. Я стояла между картонных завалов, и меня опять начало подташнивать. Никто из нашей семьи никогда не ложился в больницу. Больница это для тех, кто очень серьезно болеет.

– А что может быть причиной? – спросила мама.

– Все, что угодно, – ответил врач. – От отравления ядовитой краской до менингита. Все, что может вызвать нарушение деятельности мозга.

– Боже, – прошептала мама.

Хрустнуло. Я поняла, что моя рука лежит на углу ближайшей коробки. Пальцы продавили картон.

– Не волнуйтесь. Есть большая вероятность, что после начала лечения приступ не повторится больше никогда.

– Не волноваться? – с истерической иронией переспросила мама.

– Вам тоже вколоть валиум? – серьезно предложил врач.

– Нет, – ответила мама.

– Он сказал, что приступы бывают раз в месяц, – заметил отец, – и обычно не такие сильные. Что нам делать?

Повисла нервная пауза. Я затаила дыхание.

– А что ты думаешь? – вернула мяч мама.

Отец вздохнул.

– Он может упасть снова? Где угодно, как угодно и когда угодно?

– Да, – подтвердил врач. – Через двенадцать часов кончится действие лекарства, и может быть новый припадок.

– А под валиумом не может? – уточнила мама.

– Вы клоните к тому, чтобы без рекомендации специалиста несколько дней держать ребенка на сильных седативных препаратах? – переспросил врач. – Это пагубная практика.

Я поняла, что вопрос решен.

– В какую больницу вы его повезете? – спросила мама.

– В детскую Майского. Ближе некуда.

Стулья закрипели. Я на цыпочках бросилась обратно. Саня приоткрыл глаза. Укол действовал – брат стал еще более вялым. Я успела сесть на край его кровати, прежде чем родители вошли в комнату.

– Тебя везут в больницу, – тихо предупредила я.

– Прямо сейчас? – Саня странно посмотрел на меня.

Я кивнула. Иногда, глядя на пасмурное небо, ты думаешь, что снега уже достаточно, но он все равно продолжает идти.

Я плохо помню следующие дни. Помню, как разбирала вещи – много вещей. Я открывала коробки одну за другой, достала всю посуду и утварь и разложила их на кухне. Потом мелкие вещи перестали находить себе место, и я начала сама собирать мебель.

Папа с мамой решили, что наша с Саней комната будет наверху. Я помню, что собрала в ней компьютерный столик и письменный стол. В московской квартире они всегда стояли рядом, и сейчас я их поставила к единственному окну. Я собрала книжные полки и ящики для игрушек. Потом разложила в них все вещи. Как-то незаметно обнаружила, что четверть коробок уже лежит в чулане, опустошенная и сваленная в кучу. Я помню, что приходил Дима, и я сказала ему уйти. Он ушел.

Помню, что часто садилась на стул, на кровать или просто на пол, и смотрела на то, что сделала. Так пропадали часы. У меня болели руки и спина. Папа говорит, что я называю болты винтами, а винты болтами. Но мебель, которую я тогда скрутила, до сих пор стоит в нашей с Саней комнате.

Помню, что заплакала, доедая второй арбуз из тех, с которыми нам помогли соседские мальчишки. И еще я помню, что все это время бревно висело между двух сосен. И доски, которые мы с Саней заготовили для строительства домика, лежали на каменной приступке у фундамента дома. Все как будто замерло, пока брат лежал в больнице.

На четвертый день он позвонил. Я помню, как к сердцу прилила теплая волна счастья, когда я увидела его имя на экране мобильного. Мир снова обрел краски. Я посмотрела в окно и увидела траву под солнцем. Я вдруг поняла, что живу летом в душном загородном доме, с приусадебным участком, но почти не выхожу на улицу.

– Саня, – я открыла окно. Ветерок и стрекот кузнечиков.

– Привет. Мне не давали телефон. Сказали, что нельзя волноваться. Язык у него заплетался.

– Ты в порядке? – спросила я.

– Фенобарбитал с ативаном. – От его смешка у меня пошли мурашки по коже. – Они ничего не объясняют, но я начал разбираться в колесах.

Даже после приступа он говорил быстрее.

– Что делаешь? – поинтересовалась я. – Как больница?

– Много сплю, – ответил Саня. – Слушай, мне реально тяжело говорить, поэтому к сути.

– Давай.

– У соседа по комнате книжка про птиц. Черные аисты не строят гнезда на крышах домов, они живут только на диких болотах.

Я не думала о птицах с тех пор, как увидела Саню на земле под деревом.

– Мы могли ошибиться, – предположила я.

– Да, поэтому найди бинокль в вещах отца, – попросил брат, – и проверь. У черных аистов маленькая белая опушка на брюшке и по краям крыльев. У белых все наоборот – шея и спина белые, а маховые перья черные. Если это все-таки черные аисты... Мой сосед говорит, что это будет сенсация.

– Я посмотрю на них, – согласилась я.

– Птенцы улетят через три недели, – грустно сказал Саня.

– Папа говорит, что ты через две недели уже вернешься домой, – ответила я.

– Да, – усталым взрослым голосом подтвердил брат, – и полезу на дерево, обдолбанный колесами, под которыми и ходить-то получается с трудом.

– Я посмотрю на них, – повторила я, не зная, что еще сказать.

– Смотри внимательно, – попросил Саня. – Я бревно закрепил. На нем можно сидеть.

– Хорошо, – обещала я.

– Напиши смску, если они черные, – добавил брат.

– Напишу. – Разговор заканчивался. Его голос стал совсем медленным.

– Хороший сосед? – спросила я.

– Нормальный. Я сейчас усну. Посмотри на птиц.

– Пока, – попрощалась я.

Он что-то пробормотал и сбросил вызов.

Одиннадцатого или двенадцатого августа я сидела верхом на бревне, закрепленном между двумя соснами на высоте четвертого этажа, и в бинокль смотрела на дом Валттери Лайне.

Аисты были черные. Саня, думаю, знал это с самого начала. А я поняла, как только увидела их во второй раз. Родителей в гнезде не было, но птенцы подросли. Настолько, что я поначалу спутала их со взрослыми.

ми птицами. Аисты стояли рядом. В бинокль можно было рассмотреть их круглые блестящие глаза в широких ободках красной кожицы. О юном возрасте говорили только желтые клювы и остатки белого между черными перьями. Они уже расправляли крылья. Самый младший из них – пестрый пушистый шар – неуверенно мялся между старших братьев и тянул шею вверх.

На ветку в четырех метрах от меня села ворона. Я вздрогнула. А когда снова поднесла бинокль к глазам, увидела, что на прозрачной, застекленной веранде дома с аистами стоит мужчина в белой майке. Он ничего не делал. Или казалось, что он ничего не делает. Я достаточно хорошо видела его спокойное лицо. Взгляд, устремленный на залитый солнцем двор.

Я стала еще на шаг ближе к развязке этой истории, но не знала об этом. И все же мне отчего-то стало не по себе. Слишком долго он не шевелился. Его участок был похож на наш. Дикий. Трава и деревья. Ничего, чем люди обычно стремятся заполнить принадлежащее им пространство. Я тогда подумала, что он, как и мы, недавно въехал в дом, о котором прежние хозяева почти не заботились.

Наконец, Валттери Лайне моргнул и повернул голову. Мне показалось, что он смотрит на меня. Я испуганно опустила бинокль. Может быть, он видел солнечных зайчиков? Я медлила несколько секунд, а когда снова посмотрела в бинокль, человек уже исчез. Веранда и дом теперь казались пустыми, даже заброшенными. А птицы стояли в гнезде на крыше и спокойно чистили свои перья.

Я спустилась вниз, и пока набирала Сане сообщение о черных аистах, поняла, что не могу вспомнить никаких примет незнакомца. Мужчина. Мужчина средних лет в белой майке. Ведь я минуту смотрела прямо ему в лицо. Папин бинокль позволял разглядеть все до мелочей. Но я запомнила только взгляд. Живой и неподвижный одновременно.

Мне вдруг пришло в голову воспоминание о том, как Саня во время своего припадка смотрел в небо. Мимо меня. Мимо всех вещей. Этот человек на веранде был странным, хотя я не смогла бы объяснить, почему. Он вызывал смутный страх. Хотелось сохранять с ним уважительную дистанцию, как с директором школы или каким-нибудь еще важным взрослым. И при этом у меня было желание подглядывать за ним в бинокль.

Шестнадцатого приехала мама – взрослые нервничали оттого, что я уже неделю живу одна. Папа решил, что сам управится с оставшимися московскими делами. Родительскую кровать еще не собрали, поэтому я постелила матери на нижнем ярусе нашей, там, где обычно сплю я, а сама забралась наверх, на территорию Сани.

Не могу сказать точно, но сейчас мне кажется, что уже тогда его подушка пахла почти так же, как пахнет в доме Валттери Лайне. Она тоже пахла сосной. Смола плохо отмывалась, и брат пропитался запахом этих деревьев, как отец пропитывался бензином и смазкой, если подолгу чинил машину. Но запах дерева меня не пугал. Было что-то еще. Отсутствие запаха человека. Я решила, что это оттого, что Сани давно нет дома. Грустное одинокое чувство. Я помню, как лежала в предрассветных сумерках, слушала пение птиц, шелест ветра и скрипы дома и чувствовала, что мне холодно этим летним утром.

Мама была такая усталая, что проспала полтора дня. А потом мы снова разбирали коробки. За следующую неделю наш дом перестал напоминать походный лагерь. Папа приезжал несколько раз и каждый раз говорил, что мы совершили чудо.

Саня вернулся домой двадцать третьего августа, за день до того, как снялись и улетели аисты. Это был радостный день, но брат изменился. Стал робким. Он как-то иначе теперь оборачивался на звуки, как-то иначе улыбался.

Утром и вечером он во время еды принимал депакин. Круглые белые таблетки. Мама клала их на блюде и, накрывая на стол, ставила рядом с тарелкой брата.

– Не забудь, – говорила она.

Но Саня часто забывал, хотя кивал, когда мама ему это говорила. Забывал, хотя они лежали прямо у него перед носом. Он реже шутил, меньше разговаривал, дольше спал. У него уходило время, чтобы найти свои вещи и одеться. Его взгляд начал цепляться за мелочи. Я замечала, что он подолгу рассматривает паутинку под подоконником и трещинки в столешнице.

Утром двадцать четвертого августа мы с братом вышли во двор. Он обогнул дом, остановился под соснами и долго смотрел вверх. Невидимые снежинки кружились над его лицом. Мир был тонким, сделанным из крошащихся пластинок полупрозрачного льда.

– Хочешь залезть на дерево? – встревоженно поинтересовалась я.

– Я упаду, – ответил Саня.

Он оглянулся и посмотрел на меня.

– Скажи, Лиза...

– Да?

– У нас ведь уже никогда не будет домика на дереве.

Мне показалось, что я слышу шорох поземки, которая замечает наши следы, тянущиеся через ледяную пустошь. Я шагнула вперед и обняла брата. Он стоял спокойный и чуть улыбался.

– Папа говорит, – возразила я, – что дети вырастают. У них появляются свои дети. И тогда они делают для них то, что не успели сделать в своем детстве. – Я перевела дух. – А мама говорит, что эпилепсия излечивается. Она пройдет у тебя.

Саня поцеловал меня в щеку.

– И через двадцать лет я построю домик для Санька-младшего, – закончил он.

Мы рассмеялись, потом еще постояли и посмотрели вверх.

– Надо сказать отцу, чтобы он отвязал бревно, – заметил брат, – а то веревки прогниют, и весной оно грохнется кому-нибудь на голову. Скажешь, не забудешь?

Он боялся забыть – уже привык к этому за последние две недели.

– Я не забуду, – обещала я.

И тут мне пришла идея.

– Не обязательно смотреть на аистов с этого дерева, – сказала я. – Давай сходим на ту улицу.

Меня наградили искорки в глазах Сани. Искорки, которые теперь были такими редкими.

Глава 2

РЯДОМ СО СМЕРТЬЮ

Прошло много времени. Уже не утро. Сегодня пасмурно, и в комнате царят оловянные сумерки.

У меня устала рука. А ведь я, кажется, не добралась еще и до середины этой истории. Я боюсь, что скоро приедут родители. Возможно, я

буду дописывать рассказ, слушая, как на соседней улице, у нашего дома, воют сирены.

Но это неважно. Мне нужно было отдохнуть. Несколько минут назад я встала и подошла к окну. Дом Валттери Лайне продолжает остывать. Холод рисует новые узоры на стеклах. Сквозь них видно пустынный двор, деревья, забор и дорогу.

Когда мы с Саней пришли сюда в первый раз, все выглядело иначе. На кленах появлялись первые желтые листья, трава пожухла от жары, но лето еще продолжалось. Теперь всюду снег. Изменилась форма дороги, на кусты, забор и деревья легли массивные белые шапки. И все же мне кажется, что я узнала место, где мы с братом остановились полгода назад.

Это был асфальтированный пятачок перед чьим-то гаражом. Возможно, тогда Валттери Лайне так же, как я сейчас, стоял у этого окна и смотрел на улицу. Его дом расположен в глубине участка – двухэтажный, с застекленной верандой-флигелем. Неокрашенные бревенчатые стены даже в жару кажутся сырыми. А узкие окна кабинета с улицы выглядят, как бойницы.

Летом дом сильно заслоняли деревья, и мы с братом чуть не прошли мимо. И прошли бы, если бы не тень аиста, возвращавшегося в гнездо. Она четким силуэтом пронеслась по дороге перед нами. Мы вскинули головы. Брат негромко вскрикнул. Было слышно шум крыльев. Аист, снижаясь, исчез за деревьями.

– Летал кормить птенцов, – вслух подумал Саня.

– Он был желтоклювый, – возразила я. – Он сам птенец.

Мы дошли до асфальтированного пятачка, увидели спрятавшийся за деревьями дом с темным навершием аистового гнезда на крыше и остановились. Аист стоял над гнездом, оглядывался. Саня поднес к глазам отцовский бинокль.

– Действительно желтый, – подтвердил он. – Точно. Они уже летают. Птенцы разминают крылья. Улетают и возвращаются в гнездо. Я так много пропустил.

– Ты успел их увидеть, – сказала я.

– Да, – согласился Саня. – Одного, последнего. И скоро он улетит.

Будто отвечая на его слова, птица расправила черные крылья, продемонстрировала красивый белый фартук на своей груди, качнулась, ловя легкий ветер, но не взлетела.

– Прощается с гнездом, – сказал Саня.

– А куда они летят? – спросила я.

– В разные края. Из наших мест обычно в Египет.

– Без визы, – добавила я.

Мы рассмеялись. Аист слетел вниз, прошелся по крыше флигеля – мы почти потеряли его из виду – потом вспорхнул обратно в гнездо.

– Черные аисты не живут с людьми, – напомнил Саня.

– Ты говорил.

– У этого должно быть объяснение. Может, дом не жилой.

– Я видела мужчину на веранде, – возразила я.

Брат с интересом на меня посмотрел, но ничего не ответил. Мне показалось, что он проваливается в свою обычную депакиновую задумчивость.

У нас за спиной гроыхнули ворота. Я подумала, что выезжает машина, и тронула Саню за плечо. Мы отошли. Однако опасности не было – парень в белой майке без рукавов выкатил на площадку перед гаражом здоровый байкерский мотоцикл. На бензобаке раздвигали ноги полуголые красотки. Парень взглянул на нас, на бинокль в руках Сани, закрыл ворота, ударил ногой по стартеру. Мы отошли еще немного, чтобы ему не мешать, и в этот момент аист взмыл в небо.

Он полетел высоко, все выше и выше. Мне пришла сентиментальная мысль, что он сделает прощальный круг или крикнет. Ничего.

– Теперь, наверное, уже не вернется, – заметил байкер.

Мы оглянулись.

– Я каждый раз из дома выхожу, – сообщил парень, – и смотрю. Всю эту неделю их меньше и меньше. Сначала три птенца. Потом два. А это последний. Родители их уже даже и не кормят, по-моему. Взрослая жизнь начинается.

– А чей это дом? – спросил Саня.

– Там живет какой-то финн. Финский бизнесмен. – Парень снова ударил по стартеру. – Не помню, как его зовут, но хороший мужик. – Он показал рукой на забор Валттери Лайне. – Вон, видите светлое пятно?

– Да.

От парня пахло жарой, потом и машинным маслом. Он еще раз ударил ногой по стартеру. Мотоцикл буркнул, но не завелся.

– Сын соседа год назад туда пьяный врезался на квадроцикле. Финн ему вызвал скорую. На следующий день рабочий заделал ему забор. И все. Ни скандала, ни суда. – Мотоциклист рассмеялся. – Хороший мужик. И аисты у него хорошие. – Он подмигнул. – Говорят, аисты на крыше богатство приносят, так нафиг этому финну судиться за забор, если у него бабок полно. Да?

Саня задумчиво кивнул.

– Вот и я так думаю, – подытожил парень.

Мотоцикл завелся, выпустил клубы сизого дыма. Парень уехал. Брат посмотрел ему вслед, потом повернулся к дому Валттери, взглянул на опустевшее гнездо.

- Как думаешь, к чему черные аисты? – спросил он.
- Это всего лишь примета, – отозвалась я.
- Жалко, что они улетели.
- Да.

Последнюю неделю августа мы с Саней провели в нервном ожидании начала нового учебного года. Нам предстояло ходить в незнакомую школу – старое кирпичное здание за станцией.

Первого сентября был теплый солнечный день. После коротких летучек, на которых нас познакомили с классными руководителями, я нашла брата на лавочке напротив пустующей раздевалки. Он неподвижным взглядом смотрел на блестящие желтые крючки для одежды. Я села рядом с ним. Он оглянулся.

- Ну как?
 - Ничего, – ответила я. – Хороший класс.
- Саня кивнул.
- А у тебя? Ты в порядке?
 - Я не помню, – сказал Саня.
 - Не помнишь что? – не поняла я.

Лицо брата дернулось.

– Я не помню, как зовут людей, с которыми я сегодня знакомился. Был один мальчик... Коля или Костя...

Глаза у Сани стали испуганными.

- Как я смогу подружиться с кем-то, если не запоминаю имена?
- А как классрука зовут? – поинтересовалась я.
- Я записал. – Брат импульсивно встал. – Пошли отсюда. Я хочу домой.

– Это не страшно, Саня, – я положила руку ему на плечо, пытаюсь успокоить. – Ты их выучишь.

Он не ответил. Мы вышли во двор школы, и я снова увидела, какими неуверенными стали шаги брата. Его плечи дрожали. Он чувствовал, что лед треснул. Под нами плыла снежная мгла. Уже не было ничего прочного вокруг. Горе стояло на пороге нашего дома.

Четвертого сентября маму вызвали к директору. Потому что я разбила нос однокласснице. Я била не в нос. Я просто дала ей пощечину,

когда она сказала, что мой брат имбецил, не делает уроки и путает других людей. Звук от удара вышел влажный, хлюпающий.

В начале второй недели сентября отец дважды возил Саню в Майский на дополнительное обследование. Теперь на блюдечке с лекарствами рядом с белой пилюлей лежали две продолговатые коричневые капсулы. Это был «эссенциале форте Н». Он предназначался, чтобы спасти печень брата от депакина.

Однажды ночью я спустилась из нашей комнаты в туалет и услышала тихий разговор.

– Это лекарство от эпилепсии хуже, чем болезнь, – сказал отец. – Он меня переспрашивает, о чем мы говорили пять минут назад.

– Оно лечит, – возразила мама.

– Калечит. У него через полгода будет печень, как у алкоголика.

– Не будет. Для этого есть форте. А если он не справится с учебой, найдем ему репетитора.

– А если...

Я хлопнула дверью туалета, и они замолчали.

Ситуация изменилась в первые дни октября, когда брат на большой перемене упал в школьной столовой. Там были длинные столы с двумя лавочками по сторонам от каждого. У Сани свело бедро. Он застонал, попытался удержаться за край столешницы, но распрямившиеся ноги заставили его свалиться в центральный проход, на грязный вонючий пол, где хлорка вечно смешивается с раздавленными объедками и пролитым компотом.

Воспоминания о том дне выглядят сейчас как яркие, тошнотворно отчетливые отрывки. Они вспыхивают в голове один за другим, но я не помню многих деталей.

В столовой в этот момент была почти вся школа. Вокруг Сани моментально собралась толпа. Старшеклассники давили на сбившуюся в центре мелкоту. Всем было интересно. Толпа шептала, шуршала, и переговаривалась.

– Че с ним?

– Припадный...

Я не понимала, что в центре месива мой брат, пока не услышала передающуюся из уст в уста новость.

– Это новенький, дегенерат из пятого Б.

Я попыталась пробиться через стену спин, но безуспешно. Мне было стыдно и страшно. Стыдно, что на мучения Сани пялится вся школа. Страшно, что его просто затопчут, или что этот приступ хуже предыдущего. Наконец, какой-то мальчик закричал: «Помогите же ему!» Это произвело эффект. В толпу врезались взрослые.

Я помню, что вцепилась в руку посудомойки со словами: «Это мой брат, там мой брат». Толстая женщина помогла мне пробиться к центру кучи. Саня лежал на спине. Его глаза смотрели в никуда, губы двигались, но шепота из-за шума чужих голосов было не разобрать.

Столовая находилась на первом этаже, напротив раздевалки. Скоро к нам от парадного входа пробился охранник. Кто-то уже бежал с медсестрой, но мужчина не стал ждать, просто поднял брата на руки и вынес из толпы.

Мы шли довольно быстро. Я поддерживала Сане голову. Ноги брата чуть заметно дергались. Медсестра встретила нас на полпути к ее кабинету.

– Что с ним? – отрывисто спросила она.

– Эпилепсия, – ответила я.

– Не надо было его поднимать, – рассердилась она.

– Уже все, – ответил охранник.

Саню принесли в медпункт и положили на койку. Сестра сделала ему укол валиума, но ничего не изменилось. Прошла минута.

– Что-то не так, – сказала она. – Приступ должен проходить на игле.

– Я вызвал скорую, – сообщил охранник.

– У него первый припадок? – спросила сестра.

– Второй большой, – ответила я.

– Не эпилепсия у твоего братика, деточка. Эпилептический припадок от такого укола проходит моментально.

– Больно, – еле слышно прошептал Саня. Он все еще жаловался – протяжно, неразборчиво, мучительно. Женщина – у нее самой дрожали руки – вытерла ладонью пот со лба брата, потом пощупала его живот, смирив давление и пульс.

– Мышцы расслабляются, – сказала она, – а боль не уходит.

Она открыла прозрачный шкафчик в углу кабинета, обломала ампулу, вытянула ее содержимое и сделала Сане второй укол. Я держала брата за руку. Сжимала и разжимала ее, теребила его пальцы. Прошла еще минута, и он ответил на мое рукопожатие.

– Саня, – позвала я.

– Я упал, – тихо сказал брат.

Его взгляд сосредоточился на лице женщины.

– Дата твоего рождения? – спросила она.

– Шестнадцатого декабря девяносто восьмого, – медленно ответил Саня. Он попытался сесть. Сестра легким движением руки опустила его обратно на койку.

– Еще больно? – поинтересовалась она.

– Нет, – ответил брат.

– Уж не знаю, хорошая это или плохая новость, – ворчливо сказала женщина, – но приступы твои это не эпилепсия.

Она посмотрела на меня.

– Если будет повторяться, всем врачам говори, пусть с валиумом колют анальгин. А то он умрет от болевого шока. Запомнила, девочка?

– Анальгин, – повторила я.

– Что вы пугаете детей, – возмутился охранник. – Не умрет ее брат. Не умирают такими молодыми.

– Если бы, – негромко буркнула медсестра, потом снова посмотрела на меня.

– Родителям ты звонила?

Так выходит, что когда мне просто что-то нужно, я всегда говорю с отцом, а когда что-то случается, то с мамой. Я опомнилась, набрала ее номер, договорилась, что она будет нас с братом искать прямо в больнице Майского.

Скорая приехала через полчаса. На этот раз мы там ехали вместе. Это было не как в кино. Саню не клали на каталку и не одевали кислородную маску. В салоне не горел свет. Там было серо и бесприютно. Я смутно помню ряды полок и шкафчиков, перетянутые красными и черными трубками от каких-то аппаратов.

Санитары были в синих комбинезонах. Они сидели в кабине и весело о чем-то разговаривали. Один из них порой оборачивался и смотрел на Саню.

– Как дела? – спрашивал он.

– Все ок, – сонно отвечал ему брат.

Мы ехали, и нас трясло, потому что дороги до Фальты плохие. Я держалась за обмотанный изолентой поручень на борту салона.

На этот раз в больнице Саню не оставили.

– Он заторможен, – сказал врач, – но это нормально после припадков и валиума. Заторможенность – единственное отклонение.

Разговор происходил в коридоре больницы. Брат дремал у меня на плече. Мама встала навстречу медику.

– И что теперь? – спросила она.

– Везите его домой, – ответил он. – Пусть отсыпается. И на будущее: скорую вызывать не обязательно. У мальчика стоит диагноз, он наблюдается у одного врача. Случился припадок – звоните не в скорую, а этому врачу. К нам его везти нужно, только если зафиксируют эпилептический статус.

– Как это? – переспросила мама.

– Когда припадок длится дольше десяти минут или повторяется в течение часа.

– Понятно, – каменным голосом сказала мама.

Я донесла до нее идею медсестры о том, что у Сани не эпилепсия. И теперь она передала ее доктору.

– Все исследования показывают обратное.

Мама усомнилась.

– Это всего лишь мнение школьной медсестры, – отрезал эпилептолог. – Она все правильно сделала, и у меня к ней никаких претензий. Но ставить диагноз – это не ее работа.

Слушая этот разговор, я впервые подумала о смерти брата. Не так, как думала о ней во время его первого припадка, и не так, как думала о ней, когда в столовой вокруг него собралась толпа. Раньше страх смерти был мгновенным и смешивался с чувством непосредственной угрозы. Теперь он поселился где-то глубоко внутри.

«Саню могут не вылечить», – прошептал голос у меня в голове, – «они могут ошибаться».

Лед уже проломился. И теперь мы все, вся семья, падали в снежной пустоте. Впереди был только холод абсолютного нуля.

Со второй недели октября Саня снова пил таблетки. Теперь не два раза в день, а по одной каждый вечер перед сном. Депакин был дискредитирован. Ему на смену пришел топамакс. Дозу наращивали постепенно. Сначала маленькие белые таблеточки с набойкой "25", продавленной прямо в полукруглом боку каждой таблетки. Потом бежевые таблетки побольше, на которых было написано "50". Им на смену пришли желтые таблетки с маркировкой "100". Анализ крови. Энцефалограмма. И, наконец, красные таблетки с выбитым на них значением "200".

– Я разгоняюсь, – пошутил Саня, когда увидел на блюдечке пилюли с подписью «100». – Я еду в завтра на колесах.

– Шумахер позади? – улыбнулась я.

За ужином мы смотрели Гран-при Италии. Распластанные по земле, машины «Формулы-1», взвизгивая покрышками, проносились по экрану телевизора.

– Шумахер на десятом месте, я на первом, – ответил брат.

Это была правда. Топамакс действовал на него не так, как депакин. Саня снова с первого раза запоминал имена людей, он больше не терял нить разговора, стал лучше справляться с домашними заданиями.

Но он не мог убедить одноклассников в своей нормальности. Это время было не лучше, чем то, что началось потом. Но оно, наверное, было самым унижительным. Я вспоминаю его со стыдом и болью. Брат возвращался из школы притихшим. Иногда он прятал слезы. Чем лучше он соображал, тем хуже ему становилось. Его дразнили. Называли припадочным или контуженным.

В конце октября Саня подошел к отцу.

– Я хочу в школу для инвалидов, – сказал он. – Я хочу быть среди таких, как я.

Папа выключил телевизор и уставился на него.

– Ты не настолько болен.

– Я не могу общаться с нормальными людьми.

– Тебя дразнят? У тебя нет друзей?

– Меня дразнят, и у меня нет друзей, – повторил брат.

Отец надолго задумался.

– Они забудут, – наконец сказал он. – Твой класс забудет.

Брат покачал головой.

– Меня знает вся школа. Вчера придурок из восьмого класса упал мне под ноги и стал дергаться.

– Если они не забудут, – продолжал папа, – ты можешь начать ездить в школу в Майский. Но только не в школу для детей-инвалидов. Ты нормальный человек и должен в это верить.

– Нет, – ответил Саня. – Я хочу друзей-эпилептиков.

Папа тяжело вздохнул.

– Думаю, ты встречаешь эпилептиков чаще, чем тебе кажется. Они могут даже учиться с тобой в одном классе. Просто пока они не упадут, про них никто не знает.

– Но я упал, – напомнил Саня. – И могу упасть снова. В другой школе.

– Эпилепсия лечится. Ты пьешь топамакс. Вот увидишь, приступов больше не будет.

– Тогда я хочу в школу в Майском, – решил брат.

– Ты будешь вставать на час раньше и уставать в два раза сильнее. Я бы на твоём месте дал им два года, чтобы все забыть. Этого хватит.

– Два месяца, – странным голосом ответил брат. – Я больше не выдержу. Если через два месяца я войду в столовую, и мне опять напомнят, что я припадочный, я не останусь в этой школе.

Папа умел торговаться.

– Чтобы тебя перевели, ты должен закончить класс, в котором учишься, – сказал он. – Так что, в любом случае, терпи до лета.

Но до лета терпеть не пришлось. В начале ноября выпал снег. Настоящий снег, настоящего мира. Подморозило. Мальчишки раскатывали на дорожках скользкие ледовые полосы. По пятницам у Сани было на два урока меньше, чем у меня, и он возвращался домой один. На пути от школы кто-то толкнул его в спину. Брат поскользнулся и ударился головой о бетонную оградку школьного двора. Он запомнил, что ему кричали: «Поваляйся, припадочный!».

А потом припадок действительно начался.

Я помню то пустое и страшное чувство, которое охватило меня, когда я сняла с дверного звонка мамину записку.

Мы уехали в больницу Майского.

Ключ, где обычно. Обед на плите.

Рот наполнился слюной. Я подумала, что меня стошнит, и перевесилась через перильца крыльца. Стояла так, вцепившись рукой в оледенелые стропила, слушала, как стучит сердце.

...У Сани опять был приступ...

...Потому что таблетки не помогают...

...Топамакс не помогает, как и депакин...

...Потому что у него не эпилепсия...

...Его не вылечат, и он...

...Замерзнет в снежной мгле...

...Замерзнет, вечно падая сквозь проломившуюся корочку льда...

...Падая туда, где нет света...

Я пришла в себя от оглушительного холода, вдруг обнаружила, что в одной блузке сижу на ступеньках, в голове стучит кровь, а штаны промокли от талого снега. Куртка, шарф и шапка лежали рядом со мной. Я не стала их одевать, вытащила ключ из щели под второй ступенькой и вошла в дом. Через час я смогла связно соображать и забрала вещи с крыльца. Они были задубевшие.

В одиннадцать вечера мне позвонил отец.

– Лиза, ложись спать, – сказал он. – Мы скоро приедем.

– Как Саня? – спросила я.

– Нормально. Он упал, ударился головой. Но теперь все в порядке.

Что-то не так было в его голосе. Что-то было совсем не в порядке.

– Папа?

– Да, Пушистик.

Папа, ты опять назвал меня этим именем из детства. Первый раз с тех пор, как развалилась твоя фирма. Саня умрет, да?

Я услышала, что задаю другой вопрос.

– Он останется в больнице?

– Да, – ответил отец. – Они хотят сделать еще одно обследование.

– Понятно.

– Тебе есть чем поужинать? – беспокоился он.

Он не заметил, что назвал меня «Пушистик». Он не знает, что я знаю, не знает, что уже сказал мне все.

– Я уже поела, – соврала я.

Брат, Саня, мне так жаль.

– Ложись спать, – повторил папа, – тебе завтра в школу.

Бедный папа, как же тебе больно.

– Хорошо, – сказала я.

Он положил трубку, а я разрыдалась. Бродила по дому и выла. Брала в руки какие-то вещи и ставила их в другие места. Я перебрала мамину коллекцию игрушечных крокодилов и Санины модели вертолетов, переставила чашки, горшки с цветами, всякие сувенирчики. Потом упала в кровать. Слезы кончились. Их сменили бредовые сны.

Я помню, как мы завтракали следующим утром. Пустой четвертый стул. Все старались на него не смотреть. Все были как бы спокойны.

– Ты сможешь отпроситься с последнего урока? – спросила у меня мама.

– Да, – удивленно ответила я. – Но лучше, если будет записка.

– Я напишу, – вызвался папа. Он, как всегда, доел первыми и выскользнул из-за стола. Мой взгляд метнулся от мамы к нему, потом обратно.

– Как вернешься, – сказала мама, – поедem к Сане.

– Ему совсем плохо? – спросила я.

– Нет, нет. Просто ему вечером делают биопсию. Надо с ним посидеть.

– Что такое биопсия?

– Они возьмут часть его клеток на анализ, – объяснила мама. – Как кровь берут на анализ, так же и здесь.

– Я не ездила к нему, когда у него брали кровь.

– Ты не хочешь его видеть? – притворно удивилась мама.

Я не смогла ответить, бросила ложку и заплакала.

– Жалкий спектакль, чтобы сделать вид, что все в порядке, – ответила я ей. – Вы устраиваете жалкий спектакль. А я боюсь.

– Вчера... – сказала мама и тоже заплакала, – ...ты несправедлива, мы делаем все, что можем... мы... вчера...

Пока мы ревели, папа где-то прятался. Суть состояла в том, что вчера, стараниями каких-то недоносков, мой брат ударился головой. У него могло быть сотрясение мозга. Чтобы это проверить, ему на всякий случай снова сделали магнитно-резонансную томографию. Оператор увидел на снимке артефакты, которых еще не было на таком же снимке двухмесячной давности. Возможно, это была опухоль, но чтобы точно это узнать, надо было просверлить отверстие у Сани в черепе и проткнуть его мозг огромной иглой. Брат после операции мог забыть наши лица и имена, или потерять способность ходить. Но сделать ее было нужно.

В одной палате с Саней лежали еще три мальчика разных возрастов. Одному из них сестра делала перевязку. Чтобы не мешать им, мы вышли в коридор. Я помню странный, почти фотографический момент. Брат стоит в дверях палаты. Папа и мама по сторонам от него. Они оба о чем-то говорят. О какой-то ерунде. Я молчу и понимаю, что Саня смотрит на меня. Спокойно, как человек, которого я видела на веранде дома с аистами.

– С биопсией все будет в порядке, – говорит он мне. А потом наклоняет голову, и я вижу круглый выбритый пятачок между его волос. И эти

слова означают не только то, что с биопсией все будет в порядке, но и то, что с чем-то другим все будет очень плохо.

Родители на секунду замолкают.

– Почему ты так думаешь? – спрашиваю я.

– Лиза! – испуганно говорит мама.

Я в тот момент думаю, что она думает, что такие вопросы задавать нельзя. Но мне все равно, так как я смотрю в глаза брата. Саня пожимает плечами и улыбается.

– Мой сосед по палате рассказал, что древние люди сверлили себе дырки в голове, чтобы выпустить злых духов. Может, и мне поможет.

Родители нервно смеются. Подходит врач, кладет брату руку на плечо и говорит, что пора делать укол. Они уходят. Мы провожаем их взглядом.

Через неделю Саня вернулся. Дома было тихо и неуютно. Никто никогда ничего не говорил о том, что нашли у брата в голове. Только раз я слышала обрывок разговора. Наверное, это был единственный разговор о болезни Сани.

– Врач сказал, что это не опухоль? – спросила мама.

– Он сказал, что никогда такого не видел, – ответил отец. – Сказал, что его мозг рубцуется, но не весь, а всего в нескольких местах, как если бы рассеянный склероз мог быть разумным существом.

– Подожди, а какой диагноз стоит у него в карте?

– Теперь там написано просто «энцефалопатия». Мне объяснили, что это общее название для болезней головного мозга, как насморк – общее название для болезней носа.

Слушая отца, я подумала, что он стал старым, ворчливым.

– Зря ему делали биопсию, – вздохнула мама.

– Они не виноваты, что приняли рубцы за метастазы.

Однажды утром брат сказал, что не пойдет в школу, точнее, не пойдет в школу никогда. Мы завтракали. Наши собранные портфели стояли на веранде.

– Как? – спросила мама.

– Никогда, – повторил Саня. – Ни сегодня, ни завтра, ни через месяц.

Его лицо было бледным и взрослым. За столом повисла мертвая тишина. Тикали часы. Папа уже доел. Он теперь работал на мясокомбинате, обслуживал холодильные установки. Он уходил чуть раньше нас, но слова сына заставили его замереть.

– Все ходят в школу, – сказала мама.

– Я просто никуда не пойду.

Мама начала кричать.

– Она права, – вставил отец в какой-то из пауз.

– У тебя не будет компьютера, книг, друзей, и ты ничего не получишь на день рождения! – снова закричала мама.

И вдруг осеклась. Тишина звенела. В темноте за окнами шел снег.

– У меня и так ничего этого нет, – тихо ответил Саня. – Я не могу читать и играть. Меня все ненавидят. Я буду просто лежать и ждать.

– Ждать чего? – спросил папа.

– Когда пройдет болезнь, – прошептал брат.

Помню, что я заплакала, а потом меня стошнило, как от страха во время его первого приступа.

Тем утром мы оба не пошли в школу.

Так сложилось, что лично с Валттери Лайне мы встретились в тот самый день, когда брат в первый раз ослеп. Директриса согласилась с тем, что Саня может быть аттестован заочно. А он согласился с тем, что может учиться, сидя дома.

Я думаю, он пошел на уступки из сострадания. Люди учатся затем, чтобы потом жить. Если Саня не учился, мама начинала кричать и плакать. Для нее его уроки были частью маски, которой она закрывала лицо пустоты.

Двадцать второго ноября брат должен был сдать математику и английский язык. По безмолвному соглашению он больше не оставался один, поэтому с ним пошла я.

Было холодно, ясно и безветренно. Мы шли в направлении станции. Снег скрипел под ногами. Сосны гордыми вершинами подпирали небо. От мороза слезились глаза. Мы поравнялись с футбольным полем.

– Помнишь арбузы? – спросил Саня.

– Да. – Я поразилась тому, какими мы были счастливыми всего три месяца назад. Мир вокруг нас был непрочным, но мы могли улыбаться друг другу, не думая о болезни и смерти.

Вдруг нас обогнал огромный серый зверь. Ошейника на нем не было. Шерсть на спине отливала коричневым, на животе светлела и казалась белой. Собака – точнее, я подумала, что это собака – прыгнула в глубокий снег, тихо рыча, врылась в него, потом подняла голову и посмотрела на нас. Глаза у нее были желтые, морда вытянутая. Из рта вырывался пар. Прошла секунда, и она прыгнула обратно на дорогу, а потом пошла прямо на Саню. Брат не испугался, только удивленно отступил назад.

– Райли, – негромкий окрик сзади.

Зверь, уже вставший на задние лапы, изменил траекторию движения, упал на бок, перекатился через спину и, отряхиваясь от снега, потрусил к хозяину. Мы оглянулись. Метрах в двадцати позади нас шел мужчина в неприметной серо-зеленой куртке. Шапку он не носил. Волосы были густые и светлые, по цвету такие же, как у меня и брата. Его звали Валттери Лайне, но я не знала об этом. Для меня он был всего лишь незнакомец с собакой.

– Не бойся, – крикнул он Сане, – она просто хотела поставить тебе лапы на плечи.

Брат улыбнулся.

– Пожалуй, я бы лег на лопатки.

Мы все рассмеялись. Райли остановилась между нами и хозяином, снова посмотрела на Саню, вильнула хвостом. Желтые глаза казались светящимися. Густая шерсть припорошена снегом.

Незнакомец не пытался нас нагнать и больше ничего не говорил. Мы пошли дальше. Зверь через некоторое время снова поравнялся с нами, я почувствовала, как мою руку тронул пушистый хвост. Райли пробежала вперед, вернулась, прошла у самых ног Сани, но больше не пыталась его обнять. Брат дружелюбно потрепал ее по спине.

– А ведь это вылитый волк, – подумал он вслух.

– Да, – согласилась я.

Собака пару минут бежала рядом с ним, потом повернула и исчезла. Нам навстречу, поднимая тучу снега, проехал снегоход.

– Знаешь, кто это был? – спросил Саня, глядя ему вслед.

– Нет, – ответила я, и тут же вспомнила, что уже видела это лицо.

– Мотоциклист, которого мы встретили напротив дома с аистами.

У поворота к станции я снова оглянулась. Мужчина в серо-зеленой куртке остановился и разговаривал с водителем снегохода. Я помню, что мне тогда пришла совершенно безумная мысль, что Саня будет выглядеть так же, когда вырастет. Но ведь я уже почти наверняка знала, что

Саня не вырастет, что он умрет, когда несколько тысяч клеток его мозга изменятся настолько, чтобы вместе с собой разрушить весь организм.

Мы шли к станции сквозь еловый перелесок. С этой тропинки уже было видно крышу школы. В свете ясного дня она цинково блестела за деревьями. Брат примолк. Мы шли не торопясь – учитель английского ждал Саню в шесть, и нам еще предстояло где-то скоротать полчаса. Я подумала о том, чтобы зайти на станции в зоомагазинчик, хотела сказать об этом, но не успела.

– Сейчас это опять случится, – вдруг сообщил Саня.

Я посмотрела на него. Он был немного бледнее обычного. Лицо тревожное. Глаза влажные. Щеки яркие, но это от мороза. Губы нездоровые, слегка обветренные. Я представила, как пытаюсь вызвать скорую в еловый перелесок. Эта мысль мне не понравилась.

– Дойдешь до станции?

– Да. Может быть. Я попробую.

...до станции, а лучше до школы...

...если он сможет...

Я взяла его за плечо. Он дрожал.

– Не надо, – попросил Саня. – Пока не надо.

Я отпустила. В его шагах снова была та особенная неуверенность.

– Мне сказали, чтобы я не пугался, если ослепну во время следующего приступа, – предупредил Саня.

– Черт, – ответила я. – Ты не говорил.

– Да. – Он странно улыбнулся. – Об этом не хотелось говорить.

Мимо нас снова пробежала огромная серая собака, остановилась, посмотрела на Саню.

– Я ей нравлюсь, – заметил он. – Ты помнишь, как ее зовут?

На мгновение он стал живым, таким, каким был этим летом и до него. Он просто смотрел на зверя, просто шел вперед.

– Райли, – автоматически ответила я. И вдруг я по-настоящему испугалась. Быть может, догадывалась, что сейчас услышу.

– Знаешь, я сейчас упаду, – сказал Саня.

Он остановился. Я снова взяла его за плечо, почувствовала его хрупкость под пуховой мягкостью куртки. Он быстро облизнул губы, а потом посмотрел на меня, его лицо чуть дрогнуло, и я заметила, как уходит его взгляд.

К нам шел тот человек в зеленой куртке. Он смотрел на Саню. В его глазах было что-то, чего я не понимала.

– Я позвоню маме, – сказала я.

Саня не ответил. Я почувствовала, как он выскользывает из-под моей руки, просунула руку с телефоном ему подмышку и продолжала набирать номер. Брат привалился ко мне.

– Больно, мне опять ужасно больно, – еле слышно пожаловался он. Его ноги подкашивались.

Валттери Лайне остановился рядом с нами.

– У вас все в порядке? – спросил он.

– Спасибо, я справлюсь, – обещала я.

Саня безвольно висел на мне.

– Я не хочу, чтобы это происходило, – прошептал он. – Мне так больно.

Подбежала Райли.

– Давайте я помогу, – сказал мужчина в зеленой куртке.

Он подошел, но не решался поддержать Саню без моего разрешения. А я под тяжестью брата опустилась на колени. Теперь мы оба почти падали в снег. Я начала понимать, что помощь мне действительно может понадобиться.

...Если Саня не встанет, как я его потащу?..

Лицо незнакомца было теперь совсем близко. Глядя в него, я испытала непонятное мне самой чувство – вероятно, его и называют дежавю. Оно было таким сильным, что перебивало даже страх за брата. Я подумала, что где-то уже видела этого человека. Может быть, он летом был рядом с тем мотоциклистом, который теперь пересел на снегоход?

Саня совсем сполз, и я положила его в снег под елями. Мне, наконец, удалось поднести телефон к уху.

– Мама.

– Да, я слушаю.

Я старалась не смотреть на мужчину в зеленой куртке. Потому что мне было не по себе, когда я встречала его взгляд. Все мысли как-то странно рассеивались.

– С ним опять это происходит, – сказала я.

– Где вы? – спросила мама.

– Почти дошли до станции. В перелеске.

Саня лежал на снегу. Помню, он был в синей курточке. А вокруг него – россыпь еловых игл.

– Он упал? – уточнила мама.

– Я положила его в снег.

– Он сможет идти?

Саня огромными черными зрачками глядел в чистое ледяное небо. Его губы продолжали шевелиться, но слова превратились в тихий стон. Руки безвольно лежали вдоль тела, прямо в снегу.

Валттери Лайне стоял рядом и со странным выражением лица смотрел на него. Он больше ничего не предлагал и не делал, только помешал Райли лизать брата в нос. Теперь зверь бегал вокруг, иногда останавливался, садился и дышал, выпуская белый пар.

– Я не знаю, – ответила я.

– Так, – решила мама, – я позвоню отцу, он поедет сюда с работы. Потом я пойду вам навстречу, а вы будете возвращаться обычной дорогой.

– Хорошо. – Я села, взяла брата за руку. – А может, лучше его довести до станции?

– Нет, не нужно. Все, давай, звони, если что-то будет не так.

...Если что-то будет не так...

...Смешные слова, ведь все не так...

– Лиз... – более отчетливо прошептал Саня.

– Я здесь, – сказала я. – Ты можешь встать?

– Я попробую.

– Медленно, – посоветовала я.

– Да.

Мы встали вместе. Я ему помогала. Его ноги дрожали. Его шапка осталась лежать в снегу.

– Стоишь? – спросила я.

Он не собирался падать. Я начала отряхивать его спину.

– Да. Тот человек еще здесь?

– Здесь, – сказала я. И тут заметила страшную вещь. Глаза брата были такими же, как во время приступов – они двигались, но смотрели не на вещи вокруг, а в темноту. Мужчина наклонился, поднял шапку, сбил с нее снег, протянул Сане. Тот никак не отреагировал.

– Держи, – предложил Валттери Лайне.

Брат повернул к нему голову, но ничего не сделал. Шапку взяла я.

– Саня, ты можешь идти?

– Да.

Я взяла его за плечи. Они еще немного дрожали. Мы пошли назад.

– Ты ничего не видишь? – тихо спросила я у брата.

– Что-то вижу, – ответил он, – но не то и не так.

У выхода из перелеска я оглянулась и увидела мужчину в зеленой куртке. Он стоял на том же месте и смотрел нам в след. И тут я вспомнила, где и когда видела его. Дежавю разрешилось. Мне показалось,

что в моей голове взорвался фейерверк. Это длилось всего секунду. Я смотрела ему в глаза. А он смотрел мне в глаза. Между нами сто или сто пятьдесят метров. Аллея запорошенных снегом елей. Серый зверь у его ног. Я вспомнила, что уже смотрела в эти глаза, когда сидела на дереве и наблюдала за медлительным человеком на веранде дома с черными аистами.

Я резко дернула головой и разорвала зрительный контакт. У меня возникла иррациональная уверенность, что он видел меня тогда на дереве, видел и запомнил. А еще он видел нас на улице, когда мы смотрели на его дом. Он видел все.

– Что-то случилось? – спросил Саня.

– Нет, просто тот человек...

– Он идет за нами? – голос брата был спокойным, даже довольно живым.

– Нет.

Мы вышли на дорогу.

– Осторожно, – предупредила я, выводя Саню на утоптанную колею.

– Так что тот человек? – снова поинтересовался брат.

– Это его я видела на веранде дома с аистами, – объяснила я.

Через десять минут до нас добежала мама.

Саня на пять дней лег в больницу. Пока он был там, у нас ничего не происходило. Брат вернулся домой в последние дни ноября, со следами уколов от капельницы на руках. Зрение возвращалось медленно. Учеба была забыта. Похоже, мама наконец признала, что Саня не успеет окончить школу за отпущенное ему время.

– Помнишь, у меня был брелок с вороном? – спросил брат на второй день после возвращения.

– Да.

...Ты купил его как раз перед тем, как заболеть...

– Его нигде нет. Может, он остался в снегу там, где я упал неделю назад.

– Я посмотрю, – обещала я, и выполнила его просьбу: полчаса копалась в снегу. На меня странно посмотрели проходящие мимо тетки. Брелок я не нашла. Позже мы с братом сошлись на том, что кто-то его подобрал.

Я помню, как в начале декабря проснулась ночью от того, что меня гладят по голове. В полусне мне казалось, что я совсем маленькая и что это делает отец. Сейчас я открою глаза, и он скажет: «Привет, Пушистик, пора вставать в садик».

– Папа? – я открыла глаза.

– Ничего, что я тебя потревожил? – спросил Саня.

Я вздохнула и перевернулась на спину. Брат смотрел на светлый квадрат окна. На лице – еле заметный отсвет далеких уличных фонарей.

– Неважно, – ответила я. – Ты уже это сделал.

– Я умру, да?

– Саня, мы все умрем.

– Я не увижу, как на деревьях распускаются почки, и не застану возвращения аистов, – прошептал брат.

Я села. Его глаза блестели в темноте.

– Ложись спать.

– Скажи, – попросил он.

Его колено касалось моего бедра. Его тело было лихорадочно теплым. Я молчала. Он смотрел на меня.

– Да. Ты это хотел услышать?

Он отвел взгляд.

– Ты разозлилась?

– Нет, – ответила я.

– Это так странно, – сказал Саня. – Все знают, что я умру. Ты знаешь. Мама знает. Папа знает. Я знаю. Осталось совсем недолго.

Он снова посмотрел на меня. Диковатый взгляд.

– Я иногда думаю о том, что буду делать после твоей смерти, – сказала я.

– И что?

– Плакать. Все станет пустым. Двухъярусная кровать... Ты больше не будешь скрипеть у меня над головой...

Я замолчала. Просто не могла больше говорить. Второй ярус больше не будет нужен. Второй стол в комнате – тоже. В ванной – на зубную щетку меньше. За столом на кухне – три стула. Я буду одна ложиться спать. Я буду одна вставать утром и одна идти в школу. Мы никогда не построим домик на дереве. У Сани никогда не появится девушка, он не будет ни учиться, ни работать, ни растить своих детей, ни стареть. Он не будет смеяться и шутить. Пол не будет скрипеть под его ногами. Он не

будет дразнить меня и обижаться на меня, когда я уйду гулять с соседским мальчишкой.

Он не будет.

– Пойдем во двор, – позвал Саня.

Я молча встала с кровати, потом, шокированная собственной беспрекословной покорностью, поинтересовалась:

– Зачем?

– Кое-что проверить.

Я пошла за ним.

Глава 3

ДРУГ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

День. Я, кажется, проголодалась, и у меня серьезно болят рука и спина. Приходится все время менять позу. Думаю, родители вернулись домой. Полчаса назад? Два часа назад? Может, у нашего дома уже стоит милицейская машина. А может, они мечутся по дому и участку, по улице, мечутся и пытаются сами найти своих детей. А может, тихо сидят и в десятый раз перечитывают прощальную записку, которую мне надиктовал брат?

Я не знаю. Знаю, что пока я еще не слышала воя сирен, знаю, что в дом Валттери Лайне никто не стучал и не звонил. У меня еще есть время. Но его в обрез. Я чувствую это. Я чувствую, что сойду с ума, если мне не дадут дописать эту историю. Поэтому я пишу. Пишу... Пишу...

Мы тихонько спустились вниз, накинули куртки и в домашних тапочках ступили на скрипучую белизну снега. Над крыльцом светила единственная лампа, которую отец всегда оставлял на ночь, а высоко в небе россыпью зеленых точек мерцали звезды. Холод легкими стрелами пробивал тонкую ткань пижамных штанов.

– И что теперь? – поинтересовалась я у Сани.

– Он приходил, – сказал брат. – Я знаю, что он приходил.

Саня включил фонарь, который минутой раньше снял с крюка в прихожей. Голубой луч побежал по сугробам, выхватил из темноты

угрюмую коричневую линию забора, дерево с привязанным к ней баскетбольным стулом. На пустой раме сидения теперь лежал снег.

– Кто приходил? – спросила я.

– Я видел сон, – ответил брат. – Идем.

– Саня, господи, – вздохнула я, – не сходи с ума.

Брат странно рассмеялся.

– Я плохо вижу, – сказал он, – поэтому ты должна мне помочь.

– Ищешь следы на снегу?

– Да. Собаки и человека.

Холод уже проникал под куртку. Меня начало трясти.

– Кого ты видел? – спросила я.

Я, наверное, уже знала ответ.

– Человека из дома с аистами, – сказал Саня.

– Люди, которых мы видим во сне, не оставляют следов. Ты будешь разочарован. А мы простудимся.

Мы подошли к калитке, потом повернули назад. Снега не было уже несколько дней. Тропинка, хорошо утоптанная, лежала искрящейся полосой между нетронутыми белыми полями.

– Даже если он приходил, – сказала я, – но шел по тропинке, мы этого не увидим.

Саня оглянулся на меня. В его глазах был лихорадочный блеск и одновременно грусть.

– Может, ты и права.

Мы вернулись к крыльцу.

– В тепло? – спросила я.

– Давай посмотрим за домом, – попросил Саня. – Если ничего нет, сразу вернемся.

– Тапочки будут полные снега. – Я встретила взгляд брата и сдалась. – Хорошо, пойдем.

Мы обогнули веранду и вышли на ту сторону дома, где росли две сосны. Доски, приготовленные для домика на дереве, по-прежнему лежали у стены – сырая черная куча под огромной снежной шапкой. Луч фонаря проскользнул мимо них, остановился под деревьями, и тут я их увидела. Цепочка темных впадин и сбитая с забора снежная шапка. Как будто кто-то прошел через соседский участок и перелез к нам только для того, чтобы постоять под соснами и тронуть рукой угол нашего дома. У меня по спине пробежали мурашки.

– Ты совсем замерзла, – сказал Саня. – Пойдем назад.

– Вон они, – ответила я. – Гость из твоих снов не признает калиток.

Брат сделал еще пять шагов вперед и издал неопределенный звук, потом побежал.

– Саня! – Я испугалась, что что-то произойдет.

Брат остановился и взглянул на меня.

– Все в порядке, – успокоил он. – Ты разбудишь родителей, если будешь так орать.

– Мне страшно, – призналась я.

У меня было такое чувство, как будто на нас смотрят. Я оглянулась. Никого. Только звезды высоко в небе. Но взгляд был. Он направлялся к нам со всех сторон – падал с неба и с деревьев, излучался темными пятнами в затхлой мгле между досок, выползал из-под забора.

– Лиза, – сказал Саня. В какое-то мгновение я подумала, что он пренебрежительно закончит «Лиза-девочка». И все станет как в прежние времена. Мы рассмеемся. Я отвечу ему что-нибудь язвительное. Но вместо этого брат меня обнял.

– Это не так страшно, – закончил он.

...Не так страшно как что? Как смерть в двенадцать лет?..

Мы стояли в темноте, у угла дома, нас трясло от холода. Ноги онемели. Тапочки промокали в снегу, и я уже начинала сомневаться, что нам удастся скрыть от родителей эту безумную вылазку. И все-таки брат пошутил.

– Напоминает детскую охоту на Деда Мороза, да?

– Следы оленей на крыше?

– Вроде того.

Но мы не рассмеялись. Брат провел лучом фонаря по верху забора, потом снова опустил его на следы у наших ног. Шапка снега была сбита с забора в двух местах.

– Здесь прыгала Райли, – сказал Саня, – а здесь перелез он.

– Разве собака может так прыгнуть? – удивилась я.

– Она самая большая собака, которую я видел, – резонно ответил брат, – а здесь они стояли долго.

Луч фонаря остановился у угла дома. Совсем близко от стены. Я представила, как мужчина протягивает руку, касается бревен и задумчиво смотрит на далекий оранжевый свет уличных фонарей.

– Зачем он приходил? – наконец спросила я. – И что ты видел во сне?

– Пойдем домой, – предложил Саня.

Уговаривать меня не было необходимости.

Десять минут спустя мы с братом в трусах и майках сидели под одеялом. Штаны и тапочки, чтобы они высохли, я сложила на трубу системы отопления.

– Я думал во сне, – сказал Саня.

– Как Менделеев?

Брат чуть улыбнулся.

– Не так гениально. И не о таблице химических элементов. Я думал о том, что умру. Мне просто снилась эта мысль. Не то, как это будет, а просто... Я спал без снов и понимал, что мое время уходит.

Саня закрыл глаза. Его светлое лицо в темноте казалось тонким... как корочка льда над пустотой.

– А потом я почувствовал, что он пришел.

– Тебе приснилось, что он ходит по нашему участку? – уточнила я.

– Нет, – сказал Саня. – Он просто был рядом. Ведь ты можешь сказать, что вокруг тебя тепло или холодно, но это не значит, что ты знаешь, где в комнате кондиционер, а где обогреватель. Он был рядом, как тепло или холод, или воздух. Я знал, что он рядом.

Брат сидел, привалившись спиной к стене, вытянув под одеялом голые ноги. Все было странным.

– И вот тогда мне начал сниться сон. Я шел по воде, а мужчина из дома с аистами шел мне навстречу. – Саня рассмеялся. – Как Христос, только в этом не было ничего необычного. Потому что вода там по щиколотку.

– Где? – спросила я.

– В Египте. Я видел разлив Нила. Мы шли друг к другу по золотой песчаной косе между залитыми водой полями зеленой травы. Вода тихо текла и омывала наши ноги. На песке под водой оставались следы.

Саня перевел дыхание.

– Почему ты думаешь, что это Египет?

– Там были черные и белые аисты. Они сейчас там зимуют. Их было много, наверное, несколько тысяч. Они тоже ходили или стояли в воде и прямо среди травы ловили рыбу. Зеленый, залитый солнцем океан, в котором пасутся красноногие птицы.

Теперь я уже боялась перебивать.

– Там нет волн. Заливные луга от горизонта и до горизонта. Ветер гонит по ним легкую рябь. И из-за этого от воды поднимаются стаи солнечных зайчиков. Мы были голые, я и он. Он шел ко мне, и на его груди играл белый узор солнечных отражений.

Саня замолчал.

– Он дошел до тебя? – спросила я.

– Не помню, – ответил брат. – Помню только, что он шел ко мне. Потом я проснулся, и мне захотелось погладить тебя по голове. Извини, что разбудил, но без тебя я бы не отыскал следы.

– Может, рассказать это все папе? – предложила я.

– Тогда придется рассказать, что мы ночью полутолые в минус десять лазили по снегу, – сказал Саня. – Но дело даже не в этом... Он просто расстроится. Я боюсь, что он начнет плакать, как вы с мамой.

Я взяла брата за плечи и притянула к себе. Его щеки все еще были холодными. Он пах зимой. Зимой и чем-то еще.

– Летом этот человек напугал меня, – призналась я. – Когда я сидела на дереве и смотрела на него в бинокль, мне показалось, что он меня увидел.

– Это возможно, если у него дальность, – ответил Саня, – а ты могла пускать стеклами бинокля солнечных зайчиков.

– Он странный, – вслух подумала я. – Знаешь, здесь могут быть две несвязанные вещи.

– Какие?

– Ведь говорят, что люди с повреждениями мозга приобретают необычные способности. Может быть, ты увидел его во сне просто потому, что почувствовал, как он пришел. А сам факт того, что он пришел, может быть никак не связан с тем, что ты видел.

– Нет, – убежденно сказал Саня. – Он пришел ко мне. Я же не вижу, как приходит почтальон, или папа, когда он возвращается с работы.

– Как он мог одновременно быть у угла нашего дома и где-то в Египте?

– Я же мог, – просто ответил Саня.

Довод казался бесспорным.

– Но зачем ему приходиться?

– Не знаю. Но я хочу узнать о нем больше.

Мы еще час бессвязно разговаривали, а потом уснули под одним одеялом. Утром нас будил папа. Кажется, он подумал о чем-то грязном, но ничего не сказал. К счастью, он не видел, что мы без штанов.

А несколько дней спустя Валттери Лайне нанес нам дневной визит.

Это случилось в свободное послеобеденное время, когда мы с Саней играли в шашки. Настольные игры были одним из немногих удовольствий, которые оставались у моего брата.

Позвонили в дверь. Мама мыла посуду на кухне.

– Она услышала? – спросил Саня.

Шум воды стих, и это стало ответом.

– Странно, – сказала я, – папа так рано не возвращается.

– Кого-то черти принесли, – пошутил брат.

Я съела его шашку, помешав ей выйти в дамки. Мы перестали играть, прислушались.

– Мальчик в синей курточке... – сказал чей-то тихий голос, – ...случайно... ..рядом...

– Спасибо, но... – ответила мама, – ...так беспокоиться... ..я очень благодарна...

– Они говорят про меня? – насторожился брат.

– Похоже, – согласилась я.

Разговор был коротким. Мы слышали, как дверь снова закрывается. Мама зашла в гостиную, улыбаясь.

– Радуйся, – сказала она, – нашлись твои ключи.

Саня протянул руку, и она положила ему в ладонь брелок с вороном.

– Здорово, – восхитился брат. – А кто их принес?

– Какой-то мужчина, – ответила мама. – Он сказал, что стоял рядом, когда тебе стало плохо.

Брат вскочил.

– Ты куда? – спросила мама.

– Я скажу ему спасибо!

– Саня! Не надо этого делать! – закричала я. Страх, непонятный, но очень сильный, вырвался откуда-то глубоко изнутри.

Я кинулась за братом. Мама шарахнулось в сторону. В облаке теплого воздуха мы вылетели на крыльцо.

– Простите! Постойте! – крикнул Саня.

Я остановилась за плечом брата. Мне казалось, что сейчас он спросит про следы или начнет рассказывать этому человеку свой сон. Мне казалось, что случится что-то грубое и непоправимое, на что незнакомец днем резко ответит: «Чушь!», – а ночью вернется, чтобы причинить Сане боль.

Мужчина обернулся и улыбнулся одними уголками губ. Его лицо от этого неожиданно сильно изменилось. Как будто солнце отразилось от

снега и белыми бликами упало в его глаза. Райли мощными скачками бросилась назад. На этот раз хозяин не останавливал ее, и она прыгнула на Саню.

Если бы не стропила крыльца у меня за спиной, я бы не удержала его. Удар был мягкий, но сильный. Саню качнуло назад. Я уперлась руками ему в спину. Зверь тихо рычал, но не агрессивно, а игриво, даже мелодично. Он начал лизать брата в лицо. Язык был большой и красивый. Саня засмеялся и с трудом оттолкнул собаку.

– Простите, – уже спокойно сказал он. – Я просто хотел лично сказать спасибо за брелок. Я очень люблю этого ворона.

– Занести его было нетрудно, – ответил Валттери Лайне. – Я все равно гуляю с Райли по всему поселку. Трудно было найти ваш дом.

...Он говорит неправду. Он знает, где наш дом с тех пор, как увидел меня на дереве...

Я молчала. И брат молчал. Возникла пауза. Мужчина смотрел на нас, а мы на него. Райли встала передними лапами на крыльцо, и я наклонилась, чтобы пройтись рукой ей по спине. Шерсть была глубокая и горячая.

– Я хотел задать Вам два вопроса, – сказал Саня.

Я увидела маму в окне. Она казалась встревоженной. Думаю, ей все не нравился этот незнакомец.

– Задай, – предложил Валттери Лайне.

– Какой породы Ваша собака?

– О, – мужчина отмахнулся, – что-то экспериментальное. Вроде гибрида лайки, хаски и овчарки.

Зверь подошел к Сане. Он провел рукой по ее морде. Она прикусила его пальцы, и он вздрогнул.

– Райли, – строго сказал хозяин.

– Ничего, – слегка испуганно ответил брат. – А она не слишком большая для такого гибрида?

– Мне ее подарил друг, который работает на животноводческой ферме в Шотландии. – Мужчина пожал плечами. – Я совсем не разбираюсь в собаках. Могу только сказать, что Райли умнее любой овчарки.

На звук своего имени зверь повернул голову, но с места не сдвинулся, остался сидеть у ног Сани.

– А второй вопрос?

– Вы придете на мой день рождения шестнадцатого декабря?

– Саня, – тихо сказал я.

Такого я не ожидала.

– День рождения? – мужчина снова улыбнулся.

– У меня совсем нет друзей, – добавил брат.

Незнакомец опустил взгляд. Так он стоял, когда я отвергла его мощь в еловом перелеске.

– Не все твои родные будут этому рады, – ответил он, – поэтому я приду совсем ненадолго.

Я видела, как изменилось лицо брата. Он был... Может, он был напуган собственной дерзостью? А может, еще в нем появилась какая-то странная надежда? Одно могу сказать точно – ему было интересно. Впервые за последние три месяца ему было так же интересно, как в те дни, когда он увидел аистов.

– Но Вы придете? – повторил Саня.

– Я занесу тебе подарок, – обещал Валттери Лайне. – Райли.

Он махнул нам рукой и вышел с участка. Несколько секунд придерживал калитку, чтобы выпустить свою собаку на улицу. Но ведь мог бы и не придерживать? Ведь Райли уже перепрыгивала наш забор. Мы с Саней об этом знали.

– Интересно, что он подарит, – тихо сказал брат.

– У тебя все в порядке? – спросила я.

Саня неопределенно качнул головой.

– Почти.

Потом нам пришлось объяснять маме, почему мы так странно себя ведем.

– Лиз? – позвал брат, когда мы остались одни.

– Да? – отозвалась я.

– Как отличить собаку от волка? Ведь должен быть способ сделать это наверняка.

– Ты думаешь, что Райли... – догадалась я.

– Я почти уверен. Так как?

– Понятия не имею, – сказала я, – но буду думать.

– Спасибо, – улыбнулся брат.

Через два дня я повторила его вопрос учительнице биологии.

– Смотря в какой ситуации, – сказала та. – В зоопарке – по табличке, на охоте – по следам. Обычно волки больше. У них вытянутая морда. – Она помолчала, обдумывая вопрос. – Они, как и собаки, бывают очень разные. Например, китайского красного легко спутать с лисой. А еще к семейству волков относят шакалов. Тебе какой волк нужен?

– Крупный зверь, – описала я, – взрослому человеку почти по пояс. Спина серая, на животе и лапах шерсть светлеет.

– Похож на серого волка.

– Как в сказке? – спросила я.

– Каннис лупус, – по латыни возразила учительница, – это название вида животных. Ты такого где-то видела?

– У соседа, – призналась я.

Учительница рассмеялась.

– Раз у соседа, то вряд ли это волк. – Ее лицо посерьезнело. – А если все-таки волк, значит, сосед играет с огнем.

Я не стала говорить ей, что Райли гуляет без поводка.

– Вы сказали, что можно отличить по следам, – напомнила я.

– Посмотри в библиотеке, – предложила учительница, – но не среди книжек по биологии, а в разделе «краеведение». Еще пятьдесят лет назад они сюда заглядывали, и их отстреливали.

Мне стало как-то не по себе, когда я представила Райли, изрешеченную пулями.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– Не за что, – отозвалась биологичка, – обращайся еще.

Библиотека в Фальте была древнее школы. Она занимала треть желтого, покосившегося от времени муниципального здания. Книгу я нашла, но взять ее не получилось. Мне сказали, что издания до 1970-го года доступны только в читальном зале.

Вечером я пересказала брату все, что узнала. Он кивнул и впал в глубокую задумчивость. А на следующий день за обедом произошло кое-что необычное.

– Саня, – сказал отец, – ты пригласил на день рождения того человека...

– Да, – подтвердил брат.

– Почему?

Саня пожал плечами.

– Это мой день рождения. Приглашаю, кого хочу, – ответил он.

Папа вздохнул.

– Ты мог бы позвать других детей. Бывших одноклассников, друзей из Москвы...

– Мне приятно знать, – Саня на секунду замолчал, – приятно знать... что, не считая вас, все люди, которые ко мне хорошо относились, думают, что я просто уехал. А если они окажутся здесь, то узнают – или почувствуют – что все не так.

Над столом повисла тишина.

– Да и не так много их было, – добавил Саня.

Он посмотрел в окно. По небу плыли облака, сосны покачивали вершинами, по снегу у забора шла взъерошенная ворона. «А для брата окно – это светлый квадрат, – подумала я, – как жаль, что он не видит серую птицу».

– Но кое-что я действительно хочу, – сказал Саня. – Я знаю, что у нас не так много денег, но я хочу одну вещь на день рождения.

Желания тех, кто близок к смерти, последние желания, обладают какой-то особенной силой, каким-то особенным правом. Все это чувствуют. Даже убийцы встают на колени перед своими жертвами, чтобы услышать, что те шепчут, умирая. Мы сидели и смотрели на Саню. В тишине, повисшей над столом, раздался голос папы.

– Мы постараемся это купить, – обещал он.

– Хочу хороший цифровой фотоаппарат, – попросил брат.

...Саня, брат, ведь ты почти слепой...

– Конечно, – сказала мама. – На это нам хватит денег.

Я почувствовала, как они с отцом чуть успокоились. А если бы Саня тогда попросил океаническую яхту? Иногда мне кажется, что мы бы купили ее, продав для этого все, что у нас осталось после краха папиной фирмы.

Вечером, когда мы остались одни, я спросила брата, зачем ему фотоаппарат. Саня улыбнулся.

– Ты сравнишь фотографии следов с их рисунками в книге из библиотеки, – объяснил он, – а учительница посмотрит на фотографию самой Райли и наверняка скажет, волк это или не волк.

– А-а... – удивленно протянула я.

– Да, – кивнул Саня. – Конечно, голова у меня не блеск, но я еще не совсем тупой.

Шестнадцатого декабря наступил последний Санин день рождения. Самый ужасный, самый грустный день рождения, который я видела в своей жизни. Сидеть вместе с родителями было холодно и бесприютно. Их печальные улыбки сводили с ума.

Саня сдержанно порадовался фотоаппарату. Мы сделали несколько семейных фотографий, на которых старались поддерживать бодрый вид, потом вышли во двор, слепили снеговика и сфотографировали все, что было вокруг. Снимал не только брат. Мне кажется, ему нравилось думать, что эта игрушка еще послужит мне, когда он уже умрет. В два мы

вернулись в дом, согрелись, наблюдая за тем, как по экрану телевизора проносятся любимые папой гоночные машины.

Саня пребывал в задумчивости. Он ждал. В четыре пришло время обеда. Мама зажгла свечи на торте и в этот момент в дверь позвонили. Все вздрогнули.

– Это он, – испуганно и обрадованно сказал брат, поднимаясь из-за стола. – Он принес подарок.

– Подожди, – осадил его папа. – Давай я открою, а там посмотрим.

Я тоже встала. Мы пошли к двери втроем. Мама смотрела нам вслед, и у нее было такое выражение лица, как будто она сейчас расплачется.

В прихожей царили прохладные пыльные сумерки. Отец открыл дверь. В дом ворвались белый свет и холодный зимний воздух. На крыльчике стоял незнакомый человек. Не Валттери Лайне.

– Я звонил несколько дней назад, – сообщил он. – Вы сказали, что к Вам можно подъехать в середине дня в любой выходной.

– А, – вспомнил папа, – вы тот врач? Здравствуйте, проходите.

– Добрый день, – ответил мужчина. – Я скорее биолог, но можно сказать, что врач.

Он неуверенно переступил порог. Его взгляд на секунду остановился на Сане, потом уперся в пол. Папа обернулся к нам.

– Это... это будет скучно и не слишком долго, – сказал он. – Возвращайтесь за стол.

Мы с Саней обошли поворот коридорчика, ведущий в гостиную, а потом брат дернул меня за руку и прижал к стене.

– Я, видимо, не вовремя, – приглушенно сказал медик, – потому что это долгий разговор.

– Вы по телефону говорили о возможности какого-то договора. Я, честно говоря, мало что понял.

– Я приехал, чтобы сообщить диагноз. И поговорить о некоторых возможностях.

– Моему сыну нужно лечение, а не... – вздохнул папа.

– Лечение пока нет. Но я хотя бы могу предсказать, как и сколько он проживет.

...Как и когда он умрет...

Саня сжал мою руку.

– Пойдемте на кухню, – предложил папа. – Это не стоит слышать моей семье.

Двое мужчин слепо прошли мимо нас. Их тени уже лежали на пороге кухни. И вдруг...

– Я хочу знать, – громко и отчетливо сказал Саня им в спину. – Я имею право знать, от чего я умру.

Папа и длинный человек с усиками обернулись и испуганно уставились на него.

– Саня, – тихо позвала я, выходя из укрытия, – не надо...

Брат никак не отреагировал.

– Я мог подслушать, – продолжал он, – но я хочу, чтобы мне это сказали в лицо.

– Полагаю, это решать Вам, – неуверенно сказал папе человек с усиками, – но мое мнение на стороне мальчика. Медицинская этика...

Я вдруг поняла, что мне нравится этот тихий доктор. Он говорил будто с акцентом, его припорошенное пальто казалось слишком холодным, а взгляд почти не встречался с глазами собеседника. Он отличался от большинства врачей тем, что все еще боялся сделать людям больно. Оттого он стал идеальным вестником смерти.

– Я согласен, – оборвал его отец. Он стоял бледный, с подернутыми пеленой глазами. – Снимите пальто и давайте поговорим в комнате. Мы угостим Вас чаем и тортом.

Когда мы вернулись в гостиную, двенадцать свечей все еще горели. Мама вскинула на незнакомца несчастное лицо.

– Это доктор, – сказал папа. – Он приехал, чтобы сообщить диагноз.

– Здравствуйте, – приветствовала его мама.

– Добрый день, – отозвался мужчина с усиками. Он скользнул по ней взглядом и уставился на торт, потом повернулся к Сане. – Простите, Александр, Вы именинник?

– Да.

– Господи. – Врач стукнул себя по лбу. – Я изучал Ваши документы от начала и до конца и не посмотрел на дату рождения, только на год. Извините меня, мне так неловко, что в такой день...

Он замолчал. Повисла тишина. Я подумала, что гость сейчас снова начнет извиняться, но Саня не оставил ему такой возможности. Брат наклонился и одним махом задул все свечи. Над столом поплыл сизый дымок.

– Можно резать, – сказала мама.

– Давайте рассядемся, – предложил папа.

Я вызвалась принести доктору стул. Торт был вкусный, но ели его молча. Запах свечей продолжал витать над столом.

– Мне, право, неловко, – повторил доктор. Он посмотрел на родителей, но их лица были невыносимы, и его взгляд остановился на Сане. Не на глазах, в глаза этот человек не смотрел, а где-то на плече.

– Все нормально, – устало сказал брат.

– Меня зовут Валерий, – представился медик. – Я не Ваш врач, я аспирант Института биохимии имени Баха, при Русской Академии Наук. Но так получилось, что сейчас в Москве я, наверное, один из трех людей, которые могут поставить Вам диагноз.

Он говори с Саней. Как будто нас всех вокруг не было. И это было правильно.

– Очень приятно, – сказал брат, протягивая руку через стол.

Доктор дернулся, потом нервно пожал ее.

– У Вас губчатая энцефалопатия, – продолжал он. – Ее еще называют прионной болезнью. Вы уже знаете что-то о строении биологической клетки?

– Что-то знаю, – подтвердил Саня.

– Вирусы заражают клетку, прокалывая ее оболочку, и вводят внутрь фрагмент чужеродного ДНК-кода.

– Мы проходили это в школе, – кивнул брат.

– Прионы – это заразные белковые частицы. Они, как и вирусы, разрушают информационную структуру клетки, но в отличие от вирусов они такие маленькие, что ни организм человека, ни современная медицина не имеют средств их остановить. Прионам даже не надо проникать внутрь клетки, им достаточно осесть на ее оболочке.

Валерий крутил в пальцах чашку.

– Вот... я попытался очень просто все это объяснить, – подытожил он. – Прионные инфекции крайне редки. Чтобы заразиться ими, зачастую надо съесть мозг больного человека или животного, а это происходит нечасто. Однако иногда прионы передаются по наследству или спонтанно возникают в организме человека из-за мутации или действия аутоиммунного заболевания.

– Я не ел ничей мозг, – сказал Саня.

Все рассмеялись.

– Прионные болезни бывают разные. Самая распространенная из них – это болезнь Крейтцельда-Якоба. Она случается у одного человека на миллион.

– Немного, – констатировал папа.

– Но у Вас не болезнь Крейтцельда-Якоба, – продолжал Валерий, – и ни одна другая из уже описанных форм губчатой энцефалопатии. Из известных науке случаев, Вы второй такой больной на Земле.

– Вроде как отличился, – пробормотал Саня. – А кто был до меня?

– Девочка из Великобритании, – сообщил медик. – Райли Стентон.

Мы с Саней переглянулись. Беззвучно щелкнул какой-то замочек. Цепь случайностей замкнулась и превратилась в судьбу. Выпал весь снег. Закончилось то, что началось прошлой зимой, когда у брата впервые задрожали руки.

– Ее случай описывали в лаборатории малоизученных болезней при университете Лейчестера. Вы с ней точно не родственники, но у Вас почти одинаковые двадцатые хромосомы. И симптомы были похожие. Относительно течения Крейтцельда-Якоба деменция казалась сильно отложенной. Но наблюдались эпилепсия и ухудшение зрения, – закончил доктор.

Нет. Мы не знали точно. Еще не знали. Но совпавшие имена девочки и собаки вдруг изменили облик событий всех последних дней. Думаю, что с этого момента жизнь моего брата неминуемо устремилась к той странной развязке, которая произошла два дня назад, после того, как я увидела свет между мужчиной и мальчиком, лежащими на снегу.

– Райли, – повторил Саня. – Вы можете рассказать о ней больше? Как она умерла?

Валерий неожиданно улыбнулся.

– В этом и загвоздка, – сказал он. – Никто не знает, как она умерла. Она исчезла, сбежала из больницы после судорожного припадка, хотя все думали, что она уже никогда не встанет. Она и ее родители подписали договор, что ее тело после смерти станет достоянием ученых. Но ее так и не нашли, ни живую, ни мертвую. Поэтому до сих пор нет полного описания болезни.

– Вы приехали не лечить его, – истерическим, обвиняющим тоном заявила мама, – а наложить лапу.

Ученый втянул голову в плечи.

– Быть может, лет через двадцать это исследование спасет кому-то жизнь, – очень тихо сказал он. – Мы попытаемся лечить вашего сына, если вы на это согласитесь, но я не думаю, что мы его вылечим. Все известные на сегодня прионные болезни смертельны. Они приводят к деменции и параличу. Потом происходит разрушение дыхательного центра, и наступает смерть.

Над столом повисла мертвая тишина. Было слышно, как Саня сглотнул.

– И сколько у меня времени? – спросил он.

– Судя по тому, что я видел на Вашем последнем МРТ, – Валерий ненадолго примолк, – Ваш мозг становится похож на соты. Я думаю, Вам и так уже сказали, что осталось недолго. Я скажу еще точнее. Через

два месяца Вы не сможете связно мыслить. Смерть наступит не так быстро. Через год или два.

– И она будет выглядеть ужасно, – сказал Саня.

Он был бледен, но казался спокойным.

– Если это утешит, – возразил доктор, – то для Вас ее не будет. Личность умрет намного раньше.

Было тихо. За окнами начал гаснуть мягкий свет короткого декабрьского дня. Мама не плакала. Не знаю почему. В ней, как и во всех нас, что-то сломалось. Что-то слишком большее и твердое, чтобы превратиться в прозрачные капли слез. Врач достал пару визиток и положил их на стол.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал он. – Вы всегда можете позвонить, если захотите. Мы специально для вас можем синтезировать в лаборатории препарат Бреведин А. Он разрушит аппарат Гольджи в нейронах Александра и отсрочит слабоумие на несколько недель. Это яд, но другого лекарства пока нет.

– Да, конечно, – глухо согласился папа. – Я Вам позвоню

– Торт очень вкусный, спасибо Вам за чай, и мне жаль, что я пришел сегодня, искренне жаль.

Доктор осторожно встал из-за стола. Саня тоже встал.

– Я провожу Вас, – сказал он. – Лиз, хочешь со мной?

– Да, – ответила я.

Мы вернулись в прихожую. Врач снял с крючка свое холодное пальто.

– А что еще известно про Райли? – спросил у него брат.

– Как Вы понимаете, я совсем мало интересовался ее биографией, намного больше ее ДНК. Но, кажется, у нее есть англоязычный фансайт. Она училась на отделении искусств в университетском колледже королевы Маргарет и пела в группе. Ее недуг и исчезновение вызвали вал соборезнований.

– У нас нет интернета, – сказала я.

Мужчина развел руками.

– Ты можешь попросить пять минут в классе информатики, – предложил мне Саня. – Скажи, что...

...Это нужно твоему умирающему брату. Скажи им это, и они не смогут отказать, ведь это волшебные слова...

– А как найти этот сайт? – спросила я.

– Просто спросите Гугл, – улыбнулся Валерий. – Хотите, я напишу ее имя по-английски, чтобы Вам было проще?

– Да, пожалуйста, – попросил брат.

Врач закончил застегивать пальто, вытащил из дипломата письменные принадлежности.

– Темно здесь, – пожаловался он, потом приложил листок к стене и, мучительно напрягая глаза, вывел на нем:

Riley Stanton

Я догадалась, что ему нужна помощь, и зажгла свет.

– Благодарю, но поздно, – сказал медик. – Вот, – добавил он, протягивая Сане обрывок тетрадного листка. – Вы легко ее отыщете. Там попадутся ее блог, фансайт и пара научных статей о вариациях болезни Крейтцельда-Якоба.

– Спасибо, – сказал брат.

– Ладно, – доктор бросил ручку обратно в дипломат. – Мне, наверное, пора.

– Можно я Вас сфотографирую? – вдруг спросил Саня.

– А... – мужчина неловко улыбнулся. – Почему бы и нет.

Саня вернулся в комнату. Мы с доктором остались вдвоем. Я подумала, что должна что-то сделать, задать какой-то последний вопрос.

– А когда с ней все это случилось?

– Три года назад, – ответил Валерий. – Заболела в шестнадцать. В семнадцать исчезла. Жалко. Видимо, была одаренной натурой.

– Да, – вздохнула я.

Брат вернулся и сделал фотографию доктора.

– Я все же пойду, – сказал тот.

– До свидания, – попрощался Саня.

Медик ушел. Брат в руке, свободной от фотоаппарата, все еще сжимал бумажку с именем больной девочки. Теперь он протянул ее мне.

– Найди ее, – попросил он. – Ты должна найти ее.

Мы заперли дверь и вернулись в комнату, к запаху свечей, вкусному торту и окаменевшим лицам наших бедных родителей.

– Сутки еще не кончились, – сказал Саня в одиннадцать. – Может, он еще придет.

Мы вдвоем сидели за компьютером. Брат, щурясь, перелистывал фотографии, снятые за день.

– У него может быть тысяча причин, чтобы не сделать этого, – возразила я. – Ты всего лишь соседский мальчик.

...мы оба знаем, что это не так...

– А у него как раз умерла тетушка в Австралии, – пошутил Саня, – так что он сел на самолет и улетел в далекую страну.

Стекло нашего окна зазвенело. Мы вздрогнули и обернулись. На улице была крошечная тьма. В комнате горел ночник и еще мерцал экран компьютера, и все же я увидела, что к стеклу прилип...

– Что там? – спросил брат.

– Снежок, – ответила я. – Кто-то бросил нам в окно снежок.

Саня посмотрел на меня и улыбнулся. Странной, одновременно грустной и веселой, и немного безумной была эта улыбка.

...Он пришел...

...И ты чувствуешь его, как тогда ночью, да, брат?..

– Пойдем, – сказал Саня. – Только тихо.

Он отключил фотоаппарат от компьютера и повесил его на шею.

– А если этот человек что-нибудь сделает с нами? – спросила я.

– Я все равно пойду, – сказал Саня. – Что мне терять?

От его интонации у меня по коже расползлись мурашки. Я больше не спорила. Мы бесшумно спустились вниз.

Родители смотрели телевизор и пили пиво. Я всего пару раз видела отца пьяным. Но тем вечером он, скорее всего, хотел напиться. И мама ему не мешала. На столике у дивана стояло семь пустых бутылок.

– Они хорошо будут спать, – шепотом сказал Саня.

– Плохо, – ответила я. – Им придется бегать в туалет.

Мы беззвучно рассмеялись, надели ботинки, но шнурки не завязывали. Брат снова взял фонарь, и мы вышли в ночь. С улицы было видно, как по потолку гостиной бегут зеленовато-белые всполохи от экрана телевизора. Саня не включал фонарь, пока мы не свернули за угол – боялся, что родители нас увидят.

Окно нашей комнаты выходит в сторону, противоположную от дома Валттери Лайне. Оно смотрит на дерево с баскетбольным стулом, на место, где отец паркует машину и на нашу улицу.

– Вы здесь? – негромко крикнул Саня.

Тишина. Мне опять стало страшно. Отчего-то мне всегда было страшно, когда я чувствовала, что рядом этот человек.

– Кто бросил нам в окно снежок? – спросил брат.

Его слова улетели в ночь. Он включил фонарик. Белый луч запрыгал под деревьями, коснулся темной стены забора, побежал дальше.

– Ни черта не вижу, – пожаловался Саня.

– Подожди, – сказала я, схватила его за руку и снова направила круг света на забор.

– Что там? – спросил брат.

...желтые глаза...

На секунду я замерла. Страх смешался с непониманием, а потом мне, наконец, стало ясно, на что я смотрю.

– Он не заходил к нам на участок, – сказала я, и, загребая ногами снег, пошла к забору. На нем, каким-то чудом удерживая равновесие, стояла крупная черная статуэтка. Она была высотой с локоть, черная, со сверкающими глазами.

– Волк! – воскликнул Саня, обгоняя меня.

Он протянул ладони, и роскошная фигурка сидящего волка свалилась ему в руки. Почти прыгнула. Брат охнул.

– Тяжелая? – спросила я.

– Тяжелая и теплая, – ответил Саня. – Кажется, она из дерева.

Он прижал волка к груди и несколько секунд стоял так, почти не шевелясь. Потом протянул его мне.

– Отнеси его домой, – сказал он, – к нам в комнату. Я не хочу, чтобы родители его видели.

– А ты? – опешила я.

– А у меня дело, – ответил Саня.

Он повернулся и через глубокий снег тяжело пошел к калитке. Свет фонаря мелькал по стволам деревьев. Я стояла и смотрела ему в след.

...Надо идти за ним...

...Он сам сказал идти домой...

Я струсилa и пошла домой. Не хотела выходить за калитку. Не хотела встретить там того человека и его зверя. Днем они были даже милы, но сейчас, в оранжевой мгле уличных фонарей, протянувшихся вдоль соснового леса, мне не хотелось их видеть, совсем не хотелось.

Из окна комнаты я увидела, как лучик фонаря скачет по дорожке перед домом, возвращается назад. Мне стало спокойно. Брат пришел через пять минут. Он молча воткнул фотик обратно в компьютер, выбрал что-то. Зажужжал принтер.

– Все нормально? – спросила я, подходя.

– Да, – подтвердил Саня, потом вскинул на меня ошалелые глаза. – Где волк?

– Я положила его тебе под подушку, – ответила я.

Брат улыбнулся.

– Это хорошо.

– Встретил его? – поинтересовалась я.

– Нет. – Саня тряхнул головой. – Но нашел то, что искал.

Из принтера выползала страница. Четкие серые следы в натуральную величину.

– У дороги неглубокий снег. Я снимал со вспышкой. Кажется, получилось идеально.

Я подняла бумагу и поднесла ее к лампе.

– Завтра пойду в библиотеку, – обещала я.

– И в класс информатики, – добавил Саня.

– Деловой, – устало улыбнулась я.

Он рассмеялся.

В ту ночь он первый раз спал со статуэткой волка.

Англоязычный интернет дался мне с трудом. Спасибо учителю информатики. Он был очень мил. Мне даже не пришлось говорить ему о том, что человек, которого я ищу, умирал от той же болезни, что и мой брат.

Помню, как впервые, еще на экране компьютера, увидела фотографию Райли Стентон. Девушка стояла на берегу моря. За ее спиной была страшная черная скала, которая надрезала пасмурный песчаный пляж и корявой вершиной устремлялась к небу. Райли была в пушистом клетчатом свитере, в ее глазах светились синие огоньки, а коротко стриженные светло-русые волосы не доставали до плеч. На руках у девушки сидел огромный белый кот. Вместе они выглядели такими домашними, такими чужими на фоне этого сурового побережья.

Помню, что мне пришла в голову странная мысль: «Мы могли бы дружить с ней». Хотя, судя по словам Валерия, дружить с ней могли очень многие. А потом у меня снова появилось чувство дежавю. Я смотрела на Райли и понимала, что в ней, и во всем, что происходит вокруг, есть что-то, что я не могу охватить одним взглядом. Сходились какие-то ничтожные вероятности. Мир ткался, как огромный узорчатый ковер. И где-то – возможно, в руках мужчины из дома с аистами – был узелок, вокруг которого собиралось все.

Из класса информатики я унесла двадцать страниц англоязычных распечаток, в которых ничего не понимала. Потом пошла в библиотеку.

Следы были волчьи. Я определила это не сразу. Ключом оказалась рекомендация про спичку. «Средние пальцы волка значительно выдвинуты вперед. Между средними и боковыми пальцами можно положить поперек отпечатка воображаемую спичку, – утверждал источник. – Пальцы собаки, напротив, стоят близко друг к другу, когти боковых

пальцев начинаются на том же уровне, где находится серединка подушечки средних пальцев».

След Райли был вытянутым, волчьим, на удивление легким и стройным, даже грациознее, чем следы тех волков, которые приводились на иллюстрациях охотничьего справочника. Быть может, дело было в ее поле и возрасте.

По дороге домой я поняла, что близок новый год. В окнах магазинчиков, сгрудившихся вдоль станционной платформы, мигали огоньки. В перелеске, где мы впервые встретились с Валттери Лайне, кто-то украсил одну из елок копейными пластиковыми шарами. Они мерцали золотом среди запорошенных ветвей. Вышло действительно красиво.

– Видно, я не зря учил английский, – сказал Саня, когда я передала ему стопку страниц, посвященных истории английской девочки.

– Ты будишь их разбирать? – ужаснулась я.

– Понемногу. Делать мне все равно больше нечего. Что со следами?

Я рассказала про фокус со спичкой.

– У него вместо собаки волк, – подытожил Саня. – У него на доме живут черные аисты. Он проникает в сны. Он подарил мне странную вещь. Кто он такой, Лиз?

– Финский бизнесмен, – вспомнила я.

– Может быть. Может быть, он владеет сетью бензоколонок или закуской в Хельсинках. Но только это ничего не объясняет. Что он такое?

– Друг Зверей и Птиц, – ответила я.

Не помню, как это получилось. Слова сложились сами собой и сразу превратились в формулу.

– Друг Зверей и Птиц, – повторил Саня.

С тех пор мы всегда называли Валттери Лайне именно так.

Занятия в школе кончились двадцать шестого. В один из последних дней декабря я проснулась от ощущения присутствия.

...Он как тепло...

...Он как холод...

...Он как воздух...

Мне вспомнились слова Сани: «Ты знаешь, что в комнате тепло, даже если не знаешь, где обогреватель». Я поняла, о чем говорил брат. Рядом. Я лежала с открытыми глазами. Сумерки. И очень тихо. В какой-

то момент мне стало казаться, что я слышу, как кружится пыль, как снег ложится на подоконник.

...Брат? Ты дышишь?..

...Может, я одна во всем доме? Во всем мире?..

Я скинула одеяло и спустила ноги с кровати. Мои движения тоже были бесшумны. Мне пришла мысль, что, возможно, я оглохла. Я посмотрела в окно и поняла, что уже не ночь. Было около девяти утра. Начинался рассвет. Самый тихий рассвет во всем мире.

– Саня?

Брат не отозвался. Я встала и увидела его. Второй ярус кровати находится на уровне моего подбородка. Саня лежал на спине. Я видела его лицо в профиль. Оно казалось точеным, спокойным, почти мертвым. На его груди, сверкая желтыми глазами, сидел волк. Нет, не просто сидел. Он двигался.

...статуэтки не двигаются...

Волк был вырезан из черного дерева. Оно было тяжелое и плотное, как металл. Волнистая резьба имитировала шерсть. Зверь чуть приоткрыл пасть. Было видно клыки.

...он живой...

Мне казалось, что волк поворачивает ко мне голову. Поворачивает ее все время. Он двигался не так, как живые, и все же был живым. Не было мгновения, когда он начал двигаться, и мгновения, когда закончил. Он просто двигался. Он был в моменте движения. Наверное. Такое бывает только со статуями. Он все время поворачивал голову. Он все время уже-не-смотрел на Саню, но еще-не-смотрел на меня. Мне казалось, что я вижу волны, бегущие по его шерсти, неуловимое смещение его глаз. Похожее чувство бывает, когда наблюдаешь за движением теней. Но там другое. Они действительно перемещаются, только очень медленно. Волк двигался, хотя ничего в нем не перемещалось.

Я вспомнила спокойный взгляд Друга Зверей и Птиц и, наконец, поняла, почему мне было от него не по себе. У Валттери Лайне тоже было это свойство. Он двигался, не перемещаясь. Я протянула руку и в ужасе ее отдернула. Волк был теплый, даже горячий, как глубокая, жесткая шерсть на спине Райли.

Саня глубоко вздохнул и открыл глаза. Уже когда это случилось, я поняла, что до этого брат, скорее всего, не дышал. Он удивленно уставился на волка, приподнялся, увидел меня. Статуэтка потеряла равновесие и упала на кровать рядом с ним.

– Ты его так поставила? – спросил Саня.

– Нет, – ответила я. – Я проснулась от того, что чувствовала, что...

Слова закончились. Брат сел. Его глаза казались затуманенными. Он осторожно поднял волка, переставил себе на колени.

– Я досмотрел сон, – сообщил он.

– Про Египет? – спросила я.

– Да.

– Он дошел до тебя?

– Да.

– Чем все закончилось? – мне было совершенно не по себе. Быть может, я уже знала.

– Мы превратились в аистов, – ответил Саня. – И я, и он. Вместе.

Глава 4, короткая и последняя

ЖИЗНЬ

Вот и сирены. Я думаю, что, несмотря на холод, мои следы отыщет первый же наряд с собакой... если только псы не испугаются запаха волка.

Рука уже не болит. Спина онемела. Наверное, еще ни разу за свою жизнь я не уставала так сильно. Но я заканчиваю.

Мне жаль, мне правда жаль, что из-за меня папа и мама провели в страхе лишние два часа. Но скоро я к ним вернусь. Как только расскажу конец этой истории.

Поздним вечером, за три дня до нового года, Саня отложил последний лист английского текста, закрыл словарь и откинулся на спинку кресла.

– Я разобрал все, что мне было интересно, – сообщил он.

Я оторвалась от компьютерной игры, сняла наушники и посмотрела на него. Он изменился. Глаза запали. На лбу играла голубая венка. Мой брат готовился стать призраком.

– Устал? – спросила я.

– Просто я заканчиваюсь, – ответил Саня. – Надо доделать еще одну вещь.

– Какую?

– Ты знаешь. Сфотографировать Друга Зверей и Птиц вместе с его волком.

– Я просто думала, что следов достаточно, – объяснила я. – Ты все-таки хочешь, чтобы учительница биологии посмотрела на Райли? Сейчас каникулы, я ее увижу только через две недели.

– Дело уже не в ней. – Саня странно улыбнулся. – Я знаю, что Райли – волк. Просто у меня такое чувство, что это надо сделать.

– В кино у оборотней на фотографиях размытые лица, – вспомнила я. – Думаешь, он...

– Он не оборотень, – оборвал меня Саня. – Он волшебник, ангел, эльф или бог.

– Ты так об этом говоришь...

Брат мотнул головой.

– Мы летали в последнем сне, – сказал он, – и там все было другим.

– Расскажи, – попросила я.

– Рыба сладкая. – Саня неожиданно рассмеялся. – Воздух плотный и упругий. Мир как будто хрупкий, расчерченный линиями и гранями. Все светится. А он светится сильнее всего. Я люблю его.

...Это ведь просто сон...

...Это не просто сон...

Я молчала, вспоминая, как двигался и не двигался волк.

– Ты, наверное, думаешь, что я схожу с ума?

– Нет, вовсе нет, – ответила я.

– Сходишь со мной?

– Куда? – удивилась я.

– К нему домой, – ответил брат. – Я поблагодарю за волка, и мы пригласим его вместе отметить Новый год.

– Саня...

– А что? На день рождения он почти пришел. Может, на этот раз удастся под елкой напоить его чаем?

Глаза брата были полны решимости.

– Завтра, – согласилась я.

Мы вышли за два часа до обеда. Было пасмурно, ветер гнал по небу темные тучи, наполненные снегом. У брата на шее висел фотоаппарат, а под ремнем фотоаппарата парил брелок-ворон.

– Ты ни разу не спросила о том, что я переводил, – заметил Саня, когда мы поворачивали на улицу Валттери Лайне.

– Меня пугает все, что ты делаешь в последние две недели, – призналась я. – Меня пугает Друг Зверей и Птиц. Меня пугает статуэтка волка. Меня напугала фотография Райли. Весь мир стал двигаться, когда я смотрела на нее.

– Мир всегда движется. Просто мы не всегда видим. – Саня взял меня за руку. – Знаешь, в последних записях своего блога Райли сказала одну очень красивую вещь. Я ее тоже чувствую.

Я чуть сжала его пальцы. Он продолжал.

– Она написала, что некоторые люди умирают просто потому, что им не хватает сил стать кем-то еще. Превратиться в то, чем они должны быть. – Брат ненадолго замолчал, потом заговорил снова. – Я ничем не болен. Я просто меняюсь.

– Саня, это так не выглядит, – вздохнула я.

– Тело Райли не нашли. А многим другим людям вообще не поставили нужный диагноз. Если бы не чистая случайность, результаты моей биопсии никогда бы не попали в лабораторию имени Баха.

– И что? – спросила я.

– Представь, – ответил Саня, – сколько таких, как я, имели диагноз «эпилепсия», или «рассеянный склероз», или любой другой неверный диагноз.

– Я не знаю.

– А потом они просто исчезали. И это могли объяснять тысячью причин. Тем, что у них съехала крыша, или тем, что они решили ускорить свою смерть, не пожелав мучиться и беспокоить друзей и родных.

– Ты клонишь к тому, что в жизни все может быть, как в твоём сне? – спросила я. – К тому, что ты превратишься в черного аиста?

– Ты не веришь, – констатировал Саня.

– Я не знаю, – повторила я.

– Ладно.

Мы замолчали. Между деревьями уже мелькал дом Валттери Лайне. Узкие окна кабинета, как глаза, следили за улицей. Аистовое гнездо, заваленное снегом, стало напоминать бесформенную надстройку.

– И дом его меня пугает, – добавила я.

Брат сжал мою руку.

– Если вдруг что – беги. Но я думаю, все будет хорошо.

Будто в ответ на его слова, из гаража напротив дома Валттери Лайне вышел уже знакомый нам парень. В руках у него была фанерная лопата. Он счистил дорожку снега у самых ворот, потом глянул на нас. Видимо, не узнал, начал чистить вторую дорожку.

Мы подходили все ближе. Я вспомнила, как задала врачу Валерию вопрос про Райли. «Три года назад», – сказал он. Такой простой способ все проверить.

– Значит, ты думаешь, что Райли – не только волк, но еще и та самая девочка из Англии? – спросила я.

– Ты тоже об этом думаешь, раз спрашиваешь.

Мы поравнялись с парнем. Он отбил снег с лопаты, снов взглянул на нас.

– Извините, – обратилась я к нему.

– Да? – отозвался он. – Я видел вас где-то, причем тоже вдвоем. Мы с Тамарой ходим парой...

– Летом, – подсказал Саня. – На этом самом месте мы смотрели, как улетает последний из аистов.

– Ха, точно, – парень хлопнул себя по лбу. – Ну, теперь-то они в Африке. Раньше, чем через три месяца, не вернуться.

– А Вы не знаете, как давно у Вашего соседа живет эта большая серая собака? – спросила я.

– Которая на волка смахивает?

Саня странно усмехнулся.

– Да, немного.

– Точно не помню, но кажется, года три, – сказал парень. – Да. Точно три. Его тогда долго здесь не видели. Вернулся с ней, сказал, что привез из Англии.

Сходилось.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– А зачем вам? – поинтересовался парень.

– Хотим знать, не планирует ли он щенков, – соврал Саня.

– Ну, это не ко мне, – отозвался парень, – это его надо спрашивать.

Брат посмотрел на меня.

– Спросим? – предложил он.

Внутри у меня все сжалось.

– Давай, – сказала я.

Мы подошли к калитке Валттери Лайне. Его тропинка была тщательно вычищена. На заборе рядом с калиткой электрический звонок. Саня нажал его, и я почувствовала, как потею под курткой. Это было похоже на те минуты, когда брат падал в припадке.

Страх.

Мы ждали его долго. Саня успел позвонить второй раз. Потом за забором захрустел снег, щелкнула щеколда, и мы увидели Валттери Лайне. Он вышел к нам в шапке и сером вязаном свитере.

– Приветствую, – сказал он. Его глаза ярко и холодно посмотрели на меня и как-то иначе – на брата.

– Здравствуйте, – поздоровался Саня.

Я кивнула.

– Спасибо за волка, – поблагодарил брат. – Он приносит чудесные сны.

– Его зовут Алекси, – ответил мужчина. – Это твой волк. В каком-то смысле это ты сам.

– Кто Вы? – спросил Саня.

Валттери Лайне посмотрел на меня.

– Друг Зверей и Птиц, – сказал он. – Ты же знаешь, что твоя сестра угадала прекрасные слова.

...Он знает все...

...Он знает, как я его боюсь...

За спиной мужчины послышались скрип снега и дыхание. В проем калитки рядом с ним протиснулась Райли, вспрыгнула и поставила Сане лапы на плечи.

– Нет, Райли, – засмеялся брат, сталкивая волка обратно на землю.

– Ты пришел только сказать спасибо? – поинтересовался Валттери Лайне.

– Не только. – В этот момент я увидела, что Саня весь дрожит от внутреннего напряжения. – У меня снова есть два вопроса.

– Я слушаю.

– Не могли бы Вы прийти к нам на Новый год? – спросил брат.

– Мог бы, но это не нужно, а вся остальная твоя семья этого не хочет. – Что-то было в его тоне, от чего я чуть отпрянула.

Саня лихорадочно облизнул губы.

– Ладно, – решил он. – Наверное, это действительно так. Второй вопрос: можно мне сфотографировать Вас с Райли?

– Да, – кивнул Валттери Лайне и пошел вглубь участка, потом снова повернулся к нам.

– Райли, к ноге, – приказал он. – Можешь снимать.

Брат расчехлил аппарат и сделал снимок. Руки у него слегка дрожали.

– Теперь я попрошу вас уйти, – сказал Валттери Лайне.

- Да, конечно, – ответил брат. – До свидания.
- До свиданья, – повторила я.
- До свидания, – откликнулся владелец дома с аистами.

И я вдруг почувствовала, что эти слова имеют буквальное значение. Мы еще увидимся. Еще один раз. Последний.
Так и вышло.

Мы вернулись домой и пообедали. Мама думала, что мы просто гуляли. Я соврала, что аппарат завис от мороза и обошлось без фотографий.

- В шашки? – предложил Саня после еды.
- Давай, – согласилась я.

Мы вышли из-за стола.

– А посмотреть, как получилось, не хочешь? – спросила я у брата, когда мама осталась вне досягаемости.

Саня странно на меня посмотрел.

– Вечером, – сказал он. – У меня такое чувство, что этот снимок – последняя вещь. Он закроет все вопросы. Я хочу еще несколько часов неизвестности.

Мы открыли фотоснимок в семь часов вечера. Саня развернул изображение на весь экран компьютера. Получилось красиво. За спиной Валттери Лайне возвышался большой мрачный дом. Небо клубилось тучами. Сосны устремлялись вверх.

У ног мужчины сидел волк. Желтые глаза. Было видно даже облачко пара, вырывающееся изо рта зверя. А рядом с животным, опустившись на одно колено, стояла Райли, девушка в белом пушистом свитере. Ее пальцы запутались в гриве волка.

Несколько минут мы с Саней молча смотрели на фотографию. Потом он нарушил тишину.

– Она там, – сказал он. – Помнишь, как он сказал? «Этот волк – это ты». Она осталась жить в своем волке.

– Брат, – я обняла его и заплакала. Вцепилась в него. Как будто он мог вот-вот исчезнуть. И разве он не мог? Ведь мог. И теперь исчез. Он исчезал с тех пор, как у него в первый раз задрожали руки.

Саня обнял меня в ответ и тоже заплакал – наверное, в первый раз с той отвратительной сцены на кухне, когда он навсегда отказался ходить в школу.

После того, как мы увидели девушку на фотографии, для нас наступили странные дни. Брат больше не вел себя как одержимый, у него не было никаких идей, и он ничего не пытался доказать. Мы делали все то же, что и в свободное время прежних дней: играли в настольные игры, фотографировали.

Новый год был похож на день рождения. Саня больше не мог смотреть телевизор. Папа нашелся, подарил ему наушники и mp3плеер с встроенным радиоприемником. Брат искренне радовался. И первого января все на какое-то время повеселели.

Второго января родители уехали. Они собирались отдохнуть вместе с маминной сестрой из Саратова. Четырех человек там сесть было негде. Я подозреваю, что все это устроил отец. Мама второй месяц была на антидепрессантах. Еще два месяца ей предстояло наблюдать, как ее сын деградирует и сходит с ума, а потом полтора или два года ждать его смерти.

Нам оставили список телефонов: лечащий врач, больница Майского, аспирант Валерий. Кроме того, предполагалось, что «ОЗ» и мобильные телефоны родителей я знаю наизусть. В известном случае я должна была звонить в скорую, затем в порядке списка, и, наконец, маме. Родители обещали вернуться пятого января.

Приступ произошел третьего.

Он был не таким, как предыдущие. Саня не почувствовал ауры. Он просто упал, упал со стула, когда мы ужинали. Судорог не было. Брат выронил вилку.

– Саня? – спросила я, поняла, что теряю его взгляд и бросилась вокруг стола.

Ноги брата выпрямились, как тогда, в школьной столовой, и он упал мне на руки. Он снова был тяжелый и напряженный, я не могла его удержать и положила на пол. Потом бросилась за мобильником. Уже возвращаясь, набрала «ОЗ».

Я наклонилась над Саней, и тут он схватил меня за руку. Мне страшно представить, чего ему стоило это движение, и я не понимаю, как он его сделал, потому что в тот момент он был слеп, совершенно слеп.

Брат оторвал мою руку от уха. От неожиданности я уронила телефон, услышала в трубке далекое бормотание диктора.

– Не звони им, – прошептал Саня.

Его дыхание сбилось, перешло в тихий всхлип.

– Я разрушаюсь. Веди меня к нему.

Я заплакала.

– Ты не ходишь, Саня.

– Тогда мы поползем.

Я нажала на кнопку сброса вызова, пнула телефон. Он проехался по полу и исчез под плитой. Я подхватила Саню за плечи и потащила. На себя и вверх. У нас воощеный дощатый пол. Брат отлично скользил. Так мы добрались до прихожей.

– Ты не дойдешь, – задыхаясь, повторила я.

– Принеси моего волка, – попросил брат.

Я сходила наверх, нашла статуэтку. Днем Саня прятал ее в пыльном пространстве за монитором компьютера. Наверху, стоя посреди комнаты с волком в руках, я вдруг поняла, что снова тихо. Тихо, как во время последнего Саниного сна.

Бесконечная тишина.

Я отыскала рюкзак, бросила волка в него, сбежала вниз. Саня сидел там, где я его оставила, и ощупывал свои ноги.

– Я не чувствую равновесия, – с одышкой сказал он, – и не чувствую ног. Как Райли после последнего приступа.

– Руки чувствуешь? – спросила я.

– Да.

– Тогда подними их вверх.

Он поднял. Я помогла ему одеть куртку. Возилась, как с маленьким, потом вытащила его на крыльцо. Было все так же тихо.

– Не туда, – еле слышно потребовал брат. – Прямо через участки. Как ходил он сам. Расстояние ничтожно. Нам надо перелезть всего три забора. Ты меня подсадишь.

– Нас кто-нибудь увидит, – сказала я.

– Там пустые дачи, – ответил Саня. – А вот на улице нас точно увидят.

Мне показалось, что я слышу в его задыхающемся шепоте досаду на мою тупость. На моих руках, дрожащий и слепой, висел мой брат, все еще мой брат, смелый и остроумный мальчик, который когда-то дразнил меня «Лиза-девочка».

Мы как-то добрались до забора. Вслед за нами, мимо сосен, на которых Саня собирался строить домик, протянулся смешной рыхлый след. Две самые глубокие борозды – от ног брата.

– И как тебя поднимать? – спросила я.

Вопрос был риторический, но Саня ответил.

– Спиной к забору, – сказал он. – Я попытаюсь упираться ногами.

У него получилось. Мы встали.

– Теперь переверни меня лицом, – приказал Саня.

Его ноги не ходили, перекручиваясь в дурацкую букву Х вместо того, чтобы переступать, как у нормального человека. И все же я его развернула. Пинками переставляла каждую его ногу. Один раз мы чуть не упали.

– И что теперь? – поинтересовалась я.

– Теперь я сам, – ответил брат.

И он это сделал. Выжал себя на руках, как когда-то это делал четырнадцатилетний здоровяк Дима. На пике подъема Саня наклонился вперед. Его безвольные ноги чуть было не ударили меня по лицу, потом нелепо взлетели вверх, и он исчез с той стороны. Я услышала глухой звук падения.

– Ты жив? – крикнула я.

Полезла за ним.

– Да, – слабо ответил брат. – Не наступи на меня.

Мне удалось выполнить его просьбу, хотя вокруг было темно.

Когда я дотащила брата до середины Диминого участка, пошел снег. Он начал падать тихими хлопьями, закружился в воздухе. Брат лежал. А я сидела в его изголовье на коленях и приходила в себя.

– А хорошо сейчас, – негромко сказал он. – Ведь правда хорошо. Хороший вечер.

– Давай дальше, – предложила я.

– Давай, – согласился Саня. – Время выходит.

И я потащила его дальше.

Мне казалось, что мы добирались до участка Валттери Лайне целую вечность. Но теперь я думаю, что это длилось всего пятнадцать или двадцать минут.

Снег, как будто специально, начал прятать наш след еще прежде, чем мы закончили его прокладывать. Я видела, как снежинки ложатся в нелепую кривую борозду, и тащила брата, пока не почувствовала, что мои пятки уперлись в крыльцо дома с аистами.

Помню, что просто плюхнулась на ступеньки и просидела так с полминуты. Дерево было мокрым и холодным.

– Мы пришли? – спросил Саня.

– Мы у крыльца его дома, – ответила я.

– Ты молодец. – Возможно, брат улыбнулся в темноте.

Мне было плохо. Начала болеть спина. Я понимала, где я и что я делаю, но тогда – наверное, впервые за эти полгода – мне совсем не было страшно.

У меня за спиной скрипнула дверь. Я оглянулась и увидела его. Он казался выше, чем был обычно. Черный силуэт, окруженный лучащимся светом и волнующимся теплым воздухом.

– Зачем вы здесь? – спросил Валттери Лайне.

– Преврати меня, – попросил Саня с земли.

– Ты устала, – сказал Валттери Лайне. Я не ожидала, что он обратится ко мне, поэтому ничего не ответила.

– Здравствуйте, – сказал брат.

– Привет, – ответил мужчина. Спустился, расстегнул на Сане куртку. Брат помог ему, сел, высвободил свои руки из рукавов.

– Холодно? – спросил у него мужчина.

– Нет, – сказал Саня.

– Тебе больше никогда не будет холодно, – обещал Валттери Лайне. Он тоже начал раздеваться – стянул через голову свитер – потом помог Сане снять рубашку. Я сидела и смотрела, как они снимают одежду. В этом было что-то завораживающее. На крыльцо высунула морду Райли, но он одним взглядом заставил ее вернуться в дом.

– Вам нужен Волк? – спросила я в какой-то момент.

– Поставь его на крыльцо, – попросил Валттери Лайне. Он поднял Саню на руки и перенес его в центр участка, туда, где был нетронутый снег. Они обнаженными легли в белое покрывало. Мужчина и мальчик. В оранжевом свете фонаря было видно, что от их тел поднимался пар. Их светлые волосы и их белая кожа в искорках льда. Саня больше не дрожал. Валттери Лайне обнял его, приподнялся на локте и посмотрел на меня.

– Ты сойдешь с ума, если увидишь то, что случится дальше, – предупредил он. – Тебе лучше уйти.

Я поняла, что парализованная сижу на крыльце. Встала, оставив Волка стоять на ступенях.

– Я еще увижу его? – спросила я.

– Если он захочет прийти попрощаться, – ответил Валттери.

– Я захочу, – тихо сказал Саня.

Он повернул голову в мою сторону. Я знала, что он не видит меня, ориентируется только на голос.

– Лиза, пожалуйста, иди домой, – попросил он. – Через двадцать лет ты за нас двоих построишь на дереве домик для своих детей.

Я заплакала и пошла в сторону забора. На ощупь нашла калитку. У нее была обыкновенная щеколда, но меня не слушались руки, и из-за этого я долго с ней возилась. Когда я обернулась, они все еще лежали в снегу. Что-то светилось между ними, белым и голубым. Этот свет я запомню навсегда.

...Мне приснился сон?..

Я открыла глаза и увидела свет. Было утро следующего дня. Четвертое января.

– Саня?

Я выбралась из кровати. Заглянула на верхний ярус. Там было не расстелено. Я прошла через комнату, отодвинула монитор и глянула за него. Статуэтки волка тоже нет.

...Саня...

Вчерашний день был. И случилось все то, что случилось.

Я бродила по дому, как в те дни, когда уже оставалась одна, когда папа с мамой носились по Москве, а брат первый раз лежал в больнице.

...Саня...

Я нашла мобильник под плитой на кухне. На улице продолжалась метель. Она заметала наши следы, укладывая поверх них новые и новые слои снега.

...брат...

Я глядела в окно и видела сплошной снежный буран. Позвонила мама. Я сказала, что все отлично, что мы вчера вечером засиделись, и Саня еще спит.

– Вот как? – удивилась она. Видимо, она не поверила. Но моя ложь выглядела такой реальной в сравнении с правдой.

Прошел день. Начался другой. Мне попался на глаза Санин брелок с вороном. И я, почти не думая, что делаю, повесила его на сыромятный шнурок от старого бабушкиного крестика. Шнурок пришлось сильно расставить. Шея волка толще, чем человеческая.

...Саня, ты придешь попрощаться?..

...Ты обещаешь...

Он пришел.

Это произошло ночью с четвертого на пятое января, когда я бессонно кружила по дому. Я слышала звонок и пошла открывать. Думала, что увижу мужчину из дома с аистами, но увидела только двух волков.

Они стояли в полутьме. Пар их дыхания смешивался со снежным вихрем. Они были так похожи. Мгновение мне казалось, что надо мной зло шутят.

...узнай своего брата, девочка...

...если не узнаешь, то он снова станет человеком, чтобы, пуская слюни, умереть в постели у тебя над головой...

— Саня?

Он бросился ко мне. Его мощные лапы легли мне на плечи. Я упала в снег.

— Саня, брат.

Тихо рыча, волк лизал меня в лицо. Мы обнялись в снегу. В ту минуту я тоже не чувствовала холода. Я натянула сыромятный шнурок ему на шею. Он не возражал. Маленький ворон теперь парил прямо у него на груди.

— Саня?

— Райли, Алекси! — донесся повелительный голос. Мне показалось, что участка больше нет. Мы были в бескрайнем поле, в беспредельной снежной мгле, где ветер может говорить.

— Райли, Алекси!

Райли протяжным воем ответила на призыв. И волк, которого я обвиняла, тоже завыл, завыл, запрокидывая голову высоко вверх, ловя пастью снежинки.

— Райли, Алекси! — снова позвал голос из-за снежной мглы.

Волк еще раз лизнул меня, потом прыгнул в снег и длинными высокими прыжками помчался на голос. На полпути он остановился и посмотрел на меня. Посмотрел сквозь меня. Станный, устремленный в никуда взгляд. Как у брата во время его приступов. Желтые глаза.

...Алекси, Саня, теперь тебя зовут Алекси...

Белый пар вырывался изо рта волка. Он вильнул хвостом — в последний раз для меня — и скрылся за стеной метущегося снега.

И тогда, лежа в снегу и пытаюсь прийти в себя после последней встречи с братом, я поняла, что у меня осталось еще одно дело. Последнее дело, как сказал бы Саня.

Я вернулась домой, поставила будильник и два часа спала. Потом встала, оделась, вышла на улицу. Холодно и странно бродить по Фальте зимней ночью.

Я шла к дому Валттери Лайне с иррациональной уверенностью, что дверь будет открыта. Но что рационального во всей этой истории? Я пришла, и дверь была открыта.

Я нашла паспорт на имя человека, который, скорее всего, никогда не существовал. Его зовут Валттери Лайне. Судя по устройству его дома, он кормит своего волка сырым мясом, а сам не ест ничего.

Но он любит книги и фильмы. У него их очень много. У него прекрасный кабинет, и серебряная ручка, похожая на папину. Она тоже напоминает мне пулю для оружия из далекого будущего.

Я думаю, Алекси будет хорошо с ним.

Я слышу шаги и голоса. Скорее всего, меня нашли. Эта история закончена. Я ставлю последнюю точку.